

«Со многими из вас мы знакомы. Чьи-то лица я знаю. Я иду по улице и улыбаюсь вам. Я всегда улыбаюсь вам при встрече, потому что рад встретить старых добрых знакомых. Вы добрые. Все. Даже если забыли об этом. Но не напрягайте память: в ней нет ни меня, ни того зерна истинной улыбки, которую я открываю вам при встрече. Нет даже добра, которым вы полны. Память – жалкое подобие знания, о котором вы тоже забыли. Но я могу научить вас вспомнить. Вспомнить, забыв всё то, что вы знали. Вы закрываете глаза, и открываете сердце. Вы станете умнее своего ума, потому что он – не умный. Он образованный. Он набит какими-то знаниями. Он всё время сравнивает и сопоставляет. Он вычисляет и преобразовывает. Природа ума, к сожалению, примитивна. Она подобна тем компьютерам, что мы используем каждый день. Но мы не замечаем этой ущербности. Напротив, мы счастливы, если наш ум подобен машине и гордимся этим. Я научу вас не гордиться. Я научу вас понять свой ум и отринуть его. Я научу вас Быть. Теми, кто вы есть. Мои старые добрые знакомые...»

Утро вывернулось из торопливого, судорожного сна. Я застонал и вспомнил, что вчера был на презентации нового офиса газовой компании. «Газом отравили...» – вздохнул я и стал соображать: не прикупил ли с вечера бутылочку «антипохмелина»? Поиски показали, что ничего такого в квартире не было, зато к головной боли добавилось заходящееся сердце и «зашкаливающее» давление. Обзор карманов привёл меня к выводу, что денег, как всегда, меньше, чем требовало предстоящее лечение. Я набрал Ленкин номер.

– Чего разоряешь? – спросила она. – Почему не с сотового?
 – Денег нет, – признался я. – Ни на телефон, ни вообще... А я помираю.
 – Ну и что?
 – Помоги мне... – заканючил я, стараясь придать голосу одновременно болезненное и героическое звучание.

им пьянством достал, – сообщила Лена. – Не буду тебе помогать.

– У меня денег нет! Я с похмелья просто умереть могу.

– Умирай! Мне то что?

- Совесть будет глотать.
- Не будет. Я тебя пить не заставляла.
- Я знаю. Ленк, ну помоги!
- Я тебя сколько раз просила не называть меня «Ленк», а, Сашк?!
- Я сказал «Ленка», ты не расслышала. Хватит! Я тебя прошу!
- Мы с Димой идём сейчас в кино. Как я тебе дам денег?
- Когда сеанс? – мозг заработал чётко и расчётливо.
- Через сорок минут.
- Вы где встречаетесь?
- У «Спартака». Но я уже выхожу.
- Ты выйдешь на площади?
- Да.
- Когда выйдешь, постой, пожалуйста, пять минут. Потом пойдёшь. Девушка всегда должна чуть опаздывать на свидание. Димка не облезет.
- Сколько тебе нужно?
- Сто. Двести... Дай лучше сразу пятьсот. А то ещё и есть надо до зарплаты. Я всё отдам шестнадцатого.
- Могу только триста.
- Ну, ты же у Димки можешь попросить...
- Я что, проститутка?
- Почему проститутка? Ему будет приятно помочь тебе.
- А мне что, должно быть приятно помочь тебе?! – обиделась она.
- Нет... Это совсем другое. Ну, Ленк!
- Опять?
- Извини, Леночка! Пожалуйста! – канючил я уже без признаков героизма или стойкости.
- Ты бы пошёл у своей Риты попросил! – произнесла она свою коронную в таких случаях фразу.
- Я традиционно, скорее автоматически обиделся, впрочем, чувствуя, что действительно неприятные слова ещё прозвучат:
- Зачем ты так? Это больно.
- Конечно, Рита у нас неприкасаемая!
- Хватит! Она просто мать моей дочери. Вообще, она тут причём?
- Она никогда не причём... Ты у неё когда-нибудь деньги на опохмел просил?! – завелась Лена. – Ты ей предлагал взять тыщонку у её олигарха Миши и занять тебе на дешёвое пойло?
- По-хорошему, я ей должен деньги давать, – искренне расстроился я. – А я не плачу алименты.
- Какие алименты? Твою Машу Миша давно удочерил! Ты не должен платить ему за его ребёнка!
- сегодня ей явно хотелось действительно сделать мне больно.
- Глупо всё как-то... – пробормотал я. – Не надо мне денег. Извини, что побеспокоил.
- Я почти элегантно повесил трубку.
- «Совсем нервы расшатались», – подумал машинально.
- Она перезвонила в третий раз, и только тогда я, пожав плечами, опять взял трубку:
- Что, милая?
- Ты обиделся?
- Глупый вопрос. Добилась, чего хотела.
- Извини. Я всё понимаю. Ты прости меня. Мне же обидно. Ты свою Риту всегда превозносишь.
- Она у тебя идеал. А она тебя бросила и заставила от дочери отказаться...
- Она не заставляла. Я сам.
- Но предложила-то она! Она же знала, что ты не откажешь ей!
- Знала, – согласился я.
- И ты делаешь из неё святую. А я у тебя тряпка, монета разменная!
- Зачем ты говоришь чушь? – я протёр лоб от выступившего пота. – Я люблю тебя.
- Юморист, блин... Но ты ведь женился на ней! – выдала она суть своей претензии. – А мне шутки ради даже никогда не предложил!
- Я не хотел испортить тебе жизнь, – вяло выдал я домашнюю заготовку.

– Не хотел, а испортил, – сообщила Лена. – Это я тебя люблю. А ты меня нет. Ты мною пользуешься, – теперь в её голосе появились героические нотки. – Ладно, приезжай на площадь быстрее. А то ещё помрёшь, так кто тогда будет мне нервы трепать?

– Спасибо, – сказал я. И добавил с максимальной искренностью. – Я же правда тебя люблю.

2

Взяв у Лены деньги, я снова «принял». Правда, постарался сделать это максимально дёшево, – по «двадцатке» купил в соседнем доме прямо из окна первого этажа две поллитровки самогона. На еде я тоже сэкономил: пошёл в гости к соседям – Томке и её сожителю Коле. Продукты им из деревни возили родители, и поесть у них всегда было. Выпить же им хотелось постоянно, поэтому деньги быстро заканчивались. Тем более что отсидевшего за грабёж и беспробудно пьющего мужика долго никто не хотел держать на работе. А Томка иногда подметала наш местный мини-рынок, получая за это мини-рубли. В общем, тот, кто приносил с собой выпивку, всегда мог рассчитывать в этом доме на хлеб-соль, искреннюю радость хозяев и их семейную драку с использованием пластиковой небьющейся посуды.

Выпивая с Колей и Томой, я старался наливать себе не по полной, дабы избежать завтрашнего похмелья. Эту мудрость я усвоил от Витька, своего коллеги по областному радио. Он любил повторять, млея от третьей или четвёртой рюмки, освежавших его сморщенный похмельем организм: «Падающий в пике самолёт сразу остановить невозможно!» И мы с ним нередко брались вместе за штурвал этого символического лайнера житейской философии...

Витёк, представившийся «Виктор Николаевич», подошёл ко мне в первый же день моего пребывания на радио. Тонем психоаналитика с многолетней практикой и стажировкой в Штатах он дал несколько рекомендаций по построению репортажей и интервью. Я поблагодарил его за совет, а позднее, послушав его собственные передачи, поинтересовался у него, отчего он сам никогда не пытается воспользоваться своими теоретическими познаниями и выдаёт в эфир откровенную «лажу»? «А для чего напрягаться, Санёк? – удивился он. – Я отдал журналистике то, что хотел. Я был лучшим. Я побеждал на конкурсах. И что в итоге? Я не собираюсь разменивать свой талант». «Думаешь, пригодится по крупному?» – поинтересовался я. «А то! Я ещё пригожусь!» – улыбнулся он.

Начиналась перестройка. Мы все верили, что ещё кому-то и когда-то пригодимся.

С Витьком было любопытно пить. Он всегда убеждал всех вокруг, что он исключительно трезв, что контролирует ситуацию, и единственный из присутствующих готов принять здоровое решение по поводу любых возникающих проблем. Любопытно, что трезвый Витёк не отрицал, что вчера или позавчера был «пьян в дымину», но каждая принятая на грудь рюмка убеждала его всё больше и больше в своей абсолютной на данный момент трезвости. Язык у него действительно заплетался не сильно, зато кардинально менялась роль Вити во всей современной российской, а, порой, и мировой истории. В разговоре вдруг (так, между прочим) он начинал рассказывать, как в своё время был направлен обучать штурмовую бригаду «Альфы» тайнам восточных единоборств как раз перед взятием дворца Амина в Кабуле. Эти его навыки тогда оченьгодились, за что Витёк и получил первую серьёзную награду – ему присвоили звание Героя Советского Союза. Ордена Красной Звезды он получал позднее. За операции в Афганистане, за взятие каких-то вооружённых банд в Воронеже, за спасение жизни полковнику морской пехоты под Грозным в первую чеченскую. Я был там реально, не погиб только милостью Божьей, так что несколько стеснялся, слушая старшего товарища по профессии. А потом по накатанному сценарию следовали доказательства того, что боевой дух передался от Витька по наследству его дочери. Недавно двенадцатилетняя девочка задержала с помощью папиного «ГТ», спрятанного под ванной, двух вооружённых ножами грабителей, проникших к ним в квартиру среди бела дня. Если собеседник вдруг спохватывался, что хорошо помнит, как вот так же мирно «бухал» здесь с Витьком на протяжении абсолютно всех чеченских войн, и не может понять, когда отлучался тот на Кавказ для спасения жизни доблестному морпеху, это не ставило героя в тупик. Просто лицо его приобретало столь загадочное выражение превосходства, в котором можно было легко рассмотреть и снисхождение к памяти недоверчивого слушателя, и глубину тайны спецоперации, раскрывать которую ради дешёвого пьяного хвастовства Витёк просто не собирался.

Не менее героически складывалась и сексуальная жизнь Вити. Стоило после шестой-седьмой рюмки вспомнить какую-то более-менее симпатичную женщину, как вскоре выяснялось, что Виктор Николаевич уже приобшался некоторое время назад к радостям плотских утех с этой милой дамой. Кстати, благородное исключение составляли жёны и подруги собравшихся за столом.

Итак, «самолёт» Витька, как впрочем, и мой, да и большинства сотрудников редакции областного радио, слишком часто был в пике, и всё реже из него удавалось выйти достаточно благополучно. Если в начале 90-х, когда я пришёл на радио, Витя уходил в запой не больше чем на два-три дня, и делал это не чаще раза в месяц, то уже через семь лет в разгар реформ мы могли не видеть его на работе неделями. Он приносил «больничные», купленные у знакомых врачей, некоторое время работал, и снова исчезал. Иногда он не появлялся даже за зарплатой, присылая жутковатого вида дурно пахнувших женщин, и звонил по телефону в отдел кадров, упрасывая поставить печать на доверенность для выдачи денег. Однажды его налаженная система дала сбой. Пропав на месяц, он принёс какую-то слишком затёртую и переправленную справку о нахождении в больнице. Начальник радио, измученный критикой сверху и снизу за своё долготерпение к прогульщику, позвонил в больницу и без труда выяснил, что Витя там и не появлялся. Делу дали официальный ход, и Вите предложили в качестве мировой уход по собственному желанию.

Он ходил к председателю компании, к генеральному директору. Просил и умолял. Объяснял, что в сорок шесть лет не умеет ничего, кроме радиожурналистики, а у него растёт дочь. В итоге ему выдали кучу, по нашим понятиям, денег за какие-то неиспользованные много лет назад отпуска, пообещали, если он одумается и перестанет пить, а ещё лучше закодируется, взять через три месяца обратно на работу.

Так как в условиях перестройки и реформ Витин возраст не пользовался спросом, он посчитал за великое благо, когда, наконец, устроился грузчиком на дрожзавод. Тот самый, с которого раньше часто привозил продукцию для домашнего производства алкоголя, расплачиваясь за неё «джинсой» в своих программах. Проработал грузчиком он недолго. Цирроз печени на самом деле отправил его в больницу. А потом он просто пропал. Жена добилась переоформления квартиры на их дочь, а сама подала на развод. Витю больше никто не видел, да и, честно сказать, сильно не искал.

Как-то раз я на всякий случай спросил у Тома, у которой Витя нередко поправлял здоровье, не видела ли она его? Она даже не вспомнила, кто это. «Ну, тот, герой, который в Чечне полковника спас», – объяснил я. «Так может он опять туда полетел?» – хмыкнула Тома. Я представил Витю в кресле пилота штурмовика «сушки». Его «самолёт» уже не летел, он выл и гудел, всё сильнее входя в пике. Вытянуть нос было невозможно. Витя это понимал. Он просто крепко сжимал штурвал и улыбался. Так, как улыбаются настоящие герои, – любя и чуть жалея весь остальной мир.

3

Как и Витя, невысокого роста, худой, быстрый Николай Сергеевич, мой нынешний начальник, был из тех, кто «живчик» и в семьдесят. Он был старше меня на два десятилетия и руководил отделом, куда я пришёл работать.

Так мы и жили пятнадцать лет: он руководил, я работал. Не в смысле, что он не работал. Просто однажды, ещё до моего прихода, что-то надломилось в нём, обида сжала навсегда его душу, оставив для работы место только в голове и вытравив её из сердца.

Коля никогда не был эстетом или интеллектуалом. Родился в глухом селе далёкого от Воронежа района в семье колхозника. После местной школы отправился служить на флот, где по тогдашним срокам пять лет бороздил на атомной подводной лодке моря и океаны. Все эти годы, вслед за письмами на малую родину, стал от скуки пописывать заметки в родную стенгазету, рассказывая об успехах в изучении Устава и плановых проверках торпедных аппаратов. Когда ты месяцами под водой на глубине в сотни метров бок о бок с одними и теми же мужиками, разговоры между вами, в конце концов, становятся уже не столь привлекательны. А на бумаге жизнь преобразуется, вдруг обретая чёткие черты новизны и разнообразия. Коле понравилось писать. И, отслужив, он отправился поступать в университет на факультет филологии, готовивший в те годы и журналистов. Коля был зачислен без проблем: сельский пролетарий, отслуживший пять лет на ядерной подводной лодке, идеально вписывался в классовый портрет советской «акулы пера».

Николай Сергеевич с годами действительно стал настоящим советским журналистом. Искренне возлюбив и приняв душой созидательную поступь социализма (хотя тут о выборе говорить не совсем уместно, потому что ничего ему выбирать не приходилось, как не выбирают вовсе близость к природе дикие племена, а лишь живут в ней, не ведая об остальном мире), он не мог своим сердцем смириться с разного рода мелкими недостатками, временными трудностями и, тем более, человеческими пороками, мешающими строительству коммунизма. Искренне, с жаром искал он и разоблачал бюрократов, затянувших поставку кирпича на стройку детской поликлиники, от всей души восхищался директором завода, открывшим комнаты отдыха с настольным теннисом на своём предприятии, едко высмеивал председателя колхоза, не заглянувшего накануне посевной в материалы последнего съезда КПСС и от того получившего на полях сорняки вместо пшеницы. Эта его искренность среди людей часто апатичных, давно заматеревших и абсолютно безразличных к идеологии строительства коммунизма позволила Николаю Сергеевичу сделать быструю и успешную карьеру. Потеряв молодые годы на флоте, он быстро догнал и перегнал своих сверстников, давно превративших радийное ремесло в источник дохода, блага и связей в обкоме партии. Они приезжали из командировок на машинах, переполненных курами, колбасой, консервами и водкой, а Коля тащил острые репортажи, актуальные интервью и красочные очерки. Редакторам были нужны, такие как он, рабочие лошадки, способные оживить застойное болото заматеревших «журналюг». Его часто и хоть с маленьким, но с повышением оклада, переводили с места на место. Был он в комсомольской газете, потом пошёл корреспондентом в партийную, оттуда его направили на телевидение, где он регулярно обходил в творческом социалистическом соревновании признанных лидеров областного экрана.

На него не обижались, ему не завидовали. Колю даже как бы любили. В том числе и те, кто смотрелся на фоне его энтузиазма несколько застойно. По большому счету, его просто не воспринимали всерьёз. В худом, невысоком, вечно улыбавшемся и спешащем на очередное задание человеку они не чувствовали угрозы своему положению. Более того, они даже были рады, что в их коллективе появился парень, на которого при случае можно без особых проблем переложить часть рутинной работы. Коля был безотказный в этом плане. Хватался за любой материал, радовался, когда предлагали сделать что-то новое. Он ведь действительно любил работу, как любил свою жену Раю и их позднюю, через десять лет брака, дочь Лену. Любил бы ещё и родителей, да они умерли сразу после его возвращения из армии, надорванные голодом, войной, а потом и поставленными на ноги девятью детьми, среди которых Коля был самым младшим, первым и последним послевоенным ребёнком.

А потом началась перестройка. Николай Сергеевич принял и её всей душой, и, казалось, ещё быстрее стал летать с репортажа на репортаж, снимая для телевидения сюжеты в наш местный «Прожектор перестройки», разоблачая бюрократизм, пьянство и отсутствие бригадного подряда. И вот тут в обкоме партии в идеологическом отделе как-то прозвучало мнение, что пора этому парню расти качественно.

Однажды Колю вызвали «на площадь Ленина» и сообщили, что партия доверяет ему возглавить отдел в главном печатном органе обкома КПСС газете «Коммуна». Было это в самом конце 80-х. Что-то уже дрожало и шаталось во всей системе, а вслед за этим дрожали души тех, кто к этой системе был особенно близок. Поэтому приходу нового начальника отдела, да ещё со стороны, в газете не обрадовались. Колю впервые не полюбили – как коллеги, так и главный редактор, которому нового человека попросту навязали в обкоме. Придя туда, редактор говорил о возросшей роли прессы, о предоставленной ей партией самостоятельности, намекал даже на свободу слова и требовал не назначать к нему «какого-то деревенского олуха», но ему указали на дверь, напомнив, что решения партии обсуждать не принято. Поэтому Николай Сергеевич стал для редактора, как для человека, символом унижения, а как для старого коммуниста, ещё и воплощением волонтаризма на фоне идущей всеобщей демократизации и либерализации.

И вот, через пару лет работы, когда на полосе вдруг образовалась дыра из-за ненаписанного ушедшим в запой сотрудником репортажа про подготовку техники к весенне-полевым работам, Коля поставил на это место один из «вечных» материалов – интервью с председателем колхоза. Рассказывал тот о своих секретах сева, хвалил обком партии и всю КПСС за заботу о селянах. А для лиричности ещё вспоминал босоное послевоенное детство, когда впервые приобщился к колхозному труду, гоняя на дальние луга стадо коров, а также свою страсть к бане и рыбалке, с которой он неизменно возвращался со знатным уловом. Интервью было настолько правильным, идеологически выдержан-

ным и тематически грамотным, что Коле просто не пришло в голову позвонить этому председателю и спросить, как складываются сегодня его дела через пару месяцев после их встречи, и не передумал ли он, к примеру, рассказывать о босоногом детстве или роли партии в развитии инфраструктуры села. Точнее даже, в голову это пришло, но очень не захотелось звонить, так как был председатель крайне говорлив, шумен и дружески горяч. И когда, пьянствуя в баньке после интервью, он трубным голосом стасорокакилограммового тела стал зазывать Колю приехать на ближайшие выходные на озёрную рыбалку с динамитом, после которой будут самогон и та же баня, но уже в более широкой, разнополой компании, Николай Сергеевич, не умея по природе характера сразу в лоб отказывать, особенно тем, кто к нему хорошо и по-человечески отнёсся, покивал в ответ головой, и даже по требованию председателя произнёс вслух обещание приехать – если уж не через неделю, то через две точно. Покидать динамит и попариться под самогоночку, Коля, может быть, и поехал. Но вот возможность встретить в бане женщин его искренне пугала. Раю он любил, и изменять ей не хотел и не умел. К тому же мысль о том, что Рая как-то и где-то может узнать о его похождениях, буквально парализовала Колю. Он заранее понимал, что осрамится перед пришедшими для свободной любви доярками и самим председателем, и поэтому ехать было никак нельзя. Произнесённое же обещание жгло душу, и потому позвонить, особенно спустя столь небольшой срок, Коля себя заставить не смог. Сразу отдал статью ответственному секретарю, который потом её утвердил у цензора и поставил на полосу.

На следующий день главному редактору позвонил первый секретарь райкома партии, и сказал, что уважает авторитет главного рупора линии КПСС в области, но подобные ошибки считает либо преступной небрежностью, либо, что хуже, провокацией.

Оказалось, что месяц назад, решив в очередной раз поднять настроение после рыбалки, председатель так неплохо посидел в бане, что вместе с настроением поднял себе до немислимых высот и давление. Удивлённо охнув, он скатился с верхней полки вниз, откуда его на улицу с криками и визгом вытащили доярки-передовички, и безуспешно окатывали полчаса холодной колодезной водой. Вода реанимации не произвела, и председатель умер, так и не дождавшись в свой колхоз Колю.

Кроме досады от потери руководителя передового хозяйства, секретарь райкома испытывал смешанные чувства. Во-первых, скребло на душе из-за скандала, который закатила жена покойного, узнав обо всех деталях его баньки. Во-вторых, и сам секретарь частенько баловал вместе с председателем свою плоть в парной при помощи доярок-передовиц, и как бы должен был защитить их от гнева супруги скончавшегося, которая клялась, что костями ляжет, но стерв изведёт и из хозяйства выставит. В-третьих, председатель, чтобы не терять проценты со своего вклада в Сбербанке, был должен секретарю немалую сумму, которую занял для покупки мотоцикла на шестнадцатилетие внебрачному сыну, живущему в соседнем районе, где покойный ранее работал агрономом. Мотоцикл он купить так и не успел, но деньги уже взял. На фоне смерти такая деталь как долг смотрелась несущественно. Но раздражение на покойного, не пожелавшего снимать не в срок свои сбережения, частенько всплывало в сердце секретаря, откуда он его сурово гнал, но выгнать никак не мог. Ну, и, наконец, совершенно ни к месту, вдруг объявился прокурор, решивший на волне демократизации узнать, откуда в сарае рядом с баней скончавшегося председателя взялись боевые гранаты и тротильные шашки воинского образца? Всем было доподлинно известно, что взрывчатые предметы для глушения рыбы выменяны на самогон в покинувших Германию танковых частях, которые теперь регулярно приезжали отстреливаться на полигон, отстроенный в районе. Знал это и прокурор, сам глушивший рыбу наступательными гранатами, но теперь пожелавший произвести хлопок посильнее и показать кому надо в области, сколь он независим, неллицеприятен и неподкупен.

В области рвение пока не оценили, и дело вроде бы начинало затухать. Жена покойного вскоре неожиданно успокоилась и повеселела (говорили, что она нашла себе кого-то и вроде бы вскоре снова выйдет замуж). Доярки-передовицы были тише воды и ниже травы, надаивая немислимые ранее даже для них нормы. И – о чудо! – вдова вдруг пришла к секретарю и вернула ему занятые деньги. Оказалось, что председатель, видимо, в очередной раз напившись, и ведомый какой-то ему одному в тот момент понятной мыслью, обернул купюры бумажкой, на которой надписал фамилию секретаря, и спрятал их в одной из книг в своей купленной по благу немецкой стенки. Так или иначе, эти деньги вдовой были после похорон найдены, а через месяц размышлений возвращены законному владельцу.

Так вот приблизительно в те дни, когда секретарь уже атеистически неумело благодарил Бога за то, что всё так благополучно завершилось, Николай Сергеевич и опубликовал развёрнутое интервью с председателем. Кроме всего прочего, как бы и по сей день живой передовик сельского хозяйства, делился не только секретами обработки почвы, но лирически повествовал о своей любви к хорошей рыбалке (читай – намёк на гранаты!), знатной баньке (намёк на доярок-передовиц!), в которой пропаривает все косточки, и о хорошей личной дружбе его, хозяйственного советского крестьянина, с высоко номенклатурным секретарём райкома партии.

Рано утром из областной прокуратуры позвонили узнать: не состряпал ли секретарь фальшивую смерть друга, чтобы закрыть дело о хищениях боеприпасов?

Шума было много. Шумели в районе. Шумели в области. Рыдала совсем искренне вдова, требуя от секретаря ответа, для чего издеваются над её покойным добрым мужем. Воодушевлённый прокурор намекал на возможную дачу показаний секретарём райкома. В идеологическом отделе обкома партии судорожно решали, как окрестить подобный инцидент в своём передовом печатном органе: как глумление над колхозным крестьянством или как тщательно замаскированную диверсию? Тучи ходили грознейшие, и, возможно, полетело бы немало голов, но дело дошло до Первого, а он не пожелал отставать от стремительно меняющегося времени и не стал искать в этом деле никаких политических подоплёк. Велел просто: «Вы этого придурка, который интервью с покойником опубликовал, уберите куда-нибудь из нашей партийной газеты. Стыдно же!» В идеологическом отделе в течение дня решали, кого имел в виду Первый под «придурком». В итоге выгнали ответственного секретаря и Колю. Главный редактор и цензор получили по выговору. Районного прокурора перевели в Воронеж. Вдова успокоилась и вышла замуж за директора районного банно-прачечного хозяйства: над ней за эту иронию судьбы посмеивались, но недолго, – про председателя как-то быстро забыли. Дело о боеприпасах, само собой, исчезло, так и не начавшись. А секретарь райкома до того вдруг растрогался всей окружающей его суетной жизнью, что поехал в город и купил там мотоцикл, который привёз на «козле» внебрачному сыну покойного и отдал со словами: «Батя тебе купил. А подарить, видишь, не довелось. Катайся, парень, только права получи».

Вскоре, когда партия приказала долго жить, секретарь перебрался в кресло своего умершего друга, и года три уверенно держал хозяйство на плаву в самые сложные годы реформ. Потом его выбрали в местный Совет, потом – главой района. Я пару раз приезжал к нему, записывал на радио местных руководителей – от главы и до директора Дома культуры. Бывший секретарь спросил как-то: «Коля с тобой работает? Тот, что в «Коммуне» был». «Ну да, – ответил я, ещё не зная всей этой истории. – Если вы Николая Сергеевича имеет в виду». «Пусть приедет».

И Коля, не заглядывавший после той злополучной статьи в эти края, приехал. Целый день он сидел в приёмной главы, записывая людей, которых тот ему присылал. А вечером они пошли в баню, где крепко выпили, и глава попросил у Коли прощения, сам точно не зная за что. И Коля попросил прощения. В общем, они подружились. И с тех пор в том районе не ждали с радио никого, кроме Коли. Вот тогда, вернувшись, он и рассказал мне всю эту историю.

При всём при том, когда его выгнали из «Коммуны», он резко изменился. Сразу стаял, скатился с него весь энтузиазм. Испуг и растерянность забежали ему в глаза, да там отблеском навсегда и остались. Когда его увольняли, Ленка как раз пошла в первый класс. У Раи так подскочило от всей этой истории давление, что она загремела в больницу. А сам Коля, с инстинктивно прижатой к груди ладонью, бегал между школой, больничной палатой, магазинами и заводскими многотиражками, куда хотел устроиться на работу. Неожиданно его пригласили на областную телерадиокомпанию: там Колю помнили ещё по работе на телевидении, но теперь предложили заняться новостями на радио. Должность – начальник отдела. Это было больше, чем он мог надеяться. Оформив трудовую, Коля тихо-тихо облегчённо вздохнул – грудь ломило. Врачи сказали, что он перенёс на ногах то ли микро, то ли полноценный инфаркт.

С тех пор Коля стал совсем другим. Былая активность сменилась суетливостью, взвешенность – нерешительностью, местами отдававшей трусостью, а весь свой талант он направил на хозяйственную сторону жизни радио, редакции, да и каждого отдельного сотрудника. Требовалось ли организовать чей-то день рождения, Коля договаривался с колхозами о бесплатной поставке продуктов: с «ликёркой» – о паре ящиков водки со скидкой, с кафе – об аренде подешевле. Если у кого-то не было машины привезти на дачу трубы, Коля шёл в гараж, и машину находили. Нужно было устроить ре-

бёнка в вуз, и Николай Сергеевич обзванивал десятки людей в поисках входов и выходов к декану или ректору. Впрочем, хозяйственность Коли на этом уровне не останавливалась. На праздниках помельче, попросту говоря попойках, случавшихся на рабочей неделе раза три-четыре, он старался не доверять никому распределение на столе стаканов и тарелок, раскладку кильки в томате по кусочкам хлеба, определение порядка произнесения тостов, время старта за очередной «не хватившей» бутылкой, отмашку начала и окончания импровизированных банкетов. Запьянев, он нередко терял чувство меры: начинал злобно осаживать людей, пытавшихся встать без его указания с тостом, или убирал из-под рук человека тарелку, если Коле вдруг казалось, что тот уже съел больше, чем отвёл ему внутренний глазомер главного распределителя праздничного стола.

Он даже чуть ли не изменил Рае, поехав как-то осенью в отпуск в один из наших санаториев, куда выбил себе бесплатную путёвку, прорекламировав здравницу несколько раз в утреннем эфире. Что там была у него за любовь – сказать трудно; он о ней рассказывал мало и шёпотом, словно боясь, что Рая стоит под дверью и слушает. Когда женщина та, из санатория, попыталась встретиться с Колей в Воронеже, он так перепугался, что обложил её чуть ли не матами. Потом, правда, извинившись, увиделся с ней, погулял урывками по каким-то малолюдным улочкам, и сообщил, что семейная его и рабочая жизнь не дадут им видеться в родном городе. Малодушно пообещав встретиться с женщиной через год в том же санатории, Коля взял с неё слово более не допекать его, не звонить и не пытаться сделать роман постоянным, ну, и самое главное, никому об этом не рассказывать. Испытыв чуточку гордости за своё «донжуанство», Коля был так напуган встречей со своей несостоявшейся любовницей, что более об отношениях вне семьи он не помышлял.

Впрочем, происшедшие у Николая Сергеевича после случая в «Коммуне» душевные преобразования имели и совершенно другие стороны. Например, несмотря на внешнюю суетливость, в нём легко угадывалось постоянное стремление тела наконец-то замереть, застыть и расслабиться от того напряжения, что оно несло в себе. Бывали моменты, когда он «зависал» как компьютер, глядя в окно или на какой-то предмет на столе, обмякал, и, казалось, что сейчас Коля встряхнётся, «перезагрузится» и поднимет на тебя спокойные, много повидавшие в жизни глаза, и это будет совсем другой, уверенный в себе, сильный человек. Но страх слишком крепко проник в его душу, и тело вздрагивало, отгоняло мороку, и опять жило суетливо и опасно.

Ещё Коля вдруг задумался о душе. О неизречённом и вечном. О непознанном и загадочном. Он стал вырезать из газет заметки об инопланетянах, цивилизации майя, снежном человеке и мироточащих иконах. Загадка происхождения человечества и смысл его будущего существования стали для него вопросами, на которые Коля решил найти свой собственный ответ. Мысли на этот счёт он заносил в синюю толстую тетрадку из девяносто шести листов, исписанную наполовину его стихами разных лет. (Кстати, многие из этих стихов были вовсе неплохи. Но читать их даже в наших пьяных компаниях Коля стеснялся – у нас в коллективе работал поэт официально признанный, даже маститый – мэтр Виталий, член Союза писателей, который, если бы и не посмеялся над ним открыто, то сделал бы это за глаза обязательно).

Мы сидели с ним в кабинете вдвоём, и нередко, прежде чем записать что-то в тетрадь, он опробовал движение своей мысли на мне. Поэтому у нас нередко шли разговоры на всякого рода эзотерические и запредельные темы.

– Как ты думаешь, ангелы и приведения – у них одна природа?

– Нет, – отвечал я. – Разная. Приведения – души мёртвых людей. Ангелы – это души тех ангелов, что жили раньше на Земле.

– Жили?

– Ну да, посмотри Библию. Там об это в самом начале есть.

– А Христос был?

– Был.

– Мне кажется, что он был послан инопланетянами.

– Не хочу богохульствовать.

– Ну, да. А у инопланетян кто Боги?

– А они сами-то, твои инопланетяне есть?

– Ну да!

– Как-нибудь сядем выпивать, я от этого твоего «да» камня на камне не оставлю.

– Обязательно! Это будет мне очень интересно!

На следующий день Витя получил магарыч за поздравление по радио с днём рождения некоего влиятельного лица – две бутылки водки. Около четырёх дня мы сдали выпуск новостей дикторам, и сели в нашей с Колей комнате: я, Коля, Витя и журналист-поэт Виталий. Мы выпили. Виталий рассказал анекдот. После второй он прочитал стихи. После третьей Коля забыл про инопланетян, увлечённый своим новым пристрастием наблюдать за правильностью течения застолья. Далее он «завис» как компьютер.

4

Наутро после гостевания у Коли с Тоней мне захотелось есть, как из пушки. Организм выздоравливал. Но денег не было. Я понимал, что опять из всех вариантов Ленка – лучший. Это, конечно, гнусно. Мерзко. Но она же не сможет отказать. А это сейчас главное.

– Тебе совсем плохо?

– Голод не тётка.

– Может, приехать к тебе?

– Приезжай... Здорово, если так. Ты чего-нибудь не купишь?

– Еды?

– Какой-нибудь подешевле. Вермишели одноразовой. И одну банку пива.

– Опять будешь пить?

– Чуть-чуть. Ну, купишь? Ты же своя... Родная.

– Да?

– А то ты не знаешь?!

– Ты же меня бросил!

– Я не бросил. Просто решил не портить тебе жизнь. На фига тебе мужик без денег?

– Я же тебя люблю. Дурак! – она бросила трубку, но вскоре перезвонила: – Лечу...

«Ваше сознание шире, чем тот мир, в котором вы живёте. Вы сузили этот мир до щели ваших глаз, до тех мелочей, которыми озабочен ваш мозг. Вы видите только то, на что вы смотрите. Ваш разум спит. Отдыхает, свернувшись в темноте, как сворачиваются экраны ваших компьютеров, когда вы долго не касаетесь клавиш. Слишком давно люди не пользовались во всей полноте этим прекрасным инструментом. И разум лёг спать. Возможно, наши потомки найдут способ разбудить его с помощью науки. Она шагнула так далеко вперёд, что когда-то можно будет погрузить голову в аппарат, включить машину, и ваш мозг заработает вслед за ней. Но всё равно это не будет полной работой сознания. Потому что если даже у вас заработают 100, а не 5 процентов мозга, останется нечто ещё, что лежит за пределами серого вещества, но то, что принадлежит вам и составляет сущность вас самих.

Сейчас же вы просто спите. Организм, биология живут за вас. Поддерживают существование. Заставляют человека двигаться так, чтобы он мог подольше жить, есть, спать, удовлетворять сексуальный голод. Система старается находиться в норме. Но это лишь окружающая ваш мозг система. Её цель – стать сосудом для сознания. Его жизнеобеспечивающим механизмом. Он должен работать на ваш разум. У вас же наоборот. Сознание работает на свой вспомогательный механизм. Это так же неэффективно, как если бы атомный реактор действовал только ради освещения самого здания электростанции.

Но вы должны смотреть дальше. Мозг – это не предел глубины. Он тоже инструмент. Помощник между Истинным Разумом человека и материальным миром. В другом мире не нужны помощники. Наши души попадают в свою стихию. Они там как рыбы в воде. Им не надо помогать общаться с внешней средой. Но здесь мир груб, материален. И душе, и Истинному Разуму нужен мозг. Он переводчик. Помощник. Преобразователь.

Но душа тоже спит. Спит мозг, сознание. Спит Истинный Разум. Вы спите. Вам надо проснуться. Не надо теревить мозг электронными импульсами или наркотической химией. Мозг заработает сам. Разбудите свой Истинный Разум. Дайте импульс ему. И вся ваша система оживёт. Заработает.

Но нельзя просто сказать: «Я встаю», – и проснуться. Такое бывает, но лишь у немногих. Сон слишком глубокий. Проснуться не так легко. С вашей точки зрения. Потому что «легко» и «тяжело» спящий и бодрствующий понимают по-разному.

С чего нужно начать? Есть много учителей и много техник. Я предложу одну из них, понятную каждому. «Кувшинка, запутавшаяся в речной траве. Её оторвало от стебля и несло по реке, как и вас, оторвав от утробы матери, несёт по этой жизни. И вдруг она натолкнулась на препятствие, запуталась, задёргалась, заметалась, а потом успокоилась и легко качается на ряби течения, глядя, как река бежит мимо. Представьте себя этой кувшинкой. Вы чуть дрожите – ваше тело всегда вибрирует, даже если это незаметно. Вы волнуетесь, напрягаетесь. Почувствуйте свою вибрацию. Определите её. А потом посмотрите на бегущий мимо вас мир. Вот от проносится мимо вас: его шумы, запахи, предметы, эмоции, чувства, желания сегодняшнего дня. Вы знаете, что отстранились не навсегда. Скоро течение вытянет вас из водорослей, и вы помчитесь дальше. Но воспользуйтесь этими минутами созерцания пробегающей жизни со стороны. Наблюдайте её, пока вас не выкинет течением жизни обратно. Это поможет вам начать».

– Это ты написал? – сказала Ленка.

– Ну, уж не домовой. Я... Нет, ты только представь: пьяный «вдрабадан» мужик приходит домой и начинает слагать текстрики. Мурашки по коже.

– Может, озарение? Муза?

– Что это, стихи? Причём тут муза? – я поел и почувствовал себя значительно лучше. – Кстати, это у меня уже не первый раз. Сам себя пугаю.

– Ты меня пугаешь. Ты можешь не пить?

– Могу, наверное. А зачем?

– Ты себе жизнь ломаешь.

– Она и так вся поломанная. Куда хуже-то? Платят копейки. Сижу на никому не нужном радио.

– Уйди.

– Куда? Кому я нужен? Эта жизнь не для таких, как я. Как ты. Как большинство из нас. Все. Мы – импотенты.

– Ну, ты пока не импотент.., – она улыбнулась.

– Не ёрничай. Ты меня поняла! Никчёмный я! Ты пойми: вырос ещё при той власти. Я её не любил, – я вспомнил, что о своём противостоянии системе рассказывал Ленке уже не один раз и устыдился такой провинциальной диссидентской самовлюблённости. – Но я же при ней вырос. Я её ребёнок. Я людей воспринимаю по тем меркам, что нам тогда преподали. Не в школе. А в жизни. И не только в смысле морали там или ещё чего-то. Даже не знаю, как толком объяснить. Потом я устроился на радио. Там все родные. Привычные. Свои. Почему я их должен бросить? У них и так нет молодых журналистов. Никого. Я самый молодой. Без меня бы они просто сгнили.

– Ты их спасаешь? У тебя не мания величия?

– Нет. Я их не спасаю. Я сам там спасаюсь. Но и им я нужен. Почему же мы все вместе там никому не нужны?

– Ты мне нужен.

– Ладно. Это другое. А вот папа твой, я, Витёк – мы там оказались никому не нужны. Куда твой папа пойдёт, когда выйдет на пенсию? Николаю Сергеевичу уже пятьдесят семь! Кому он нужен? И он принимает любые условия. Работает за копейки! Унижается перед властью имущими.

– Но и ты тоже.

– И я. Я хоть иногда срываю на выборах чуток денег. И все. А Николай Сергеевич и на них ничего не имеет... У него принципы покруче моих. Как они с нами так могут?

– Да кто – они-то?

– Государство! Мы же государственная телерадиокомпания! Мы там какой-то заповедник, национальный парк пережитков эпохи. Стыдно за себя! Зачем я там?! – я чуть не заплакал.

– И зачем ты там?

– Трус. Боюсь сделать шаг с накатанной дорожки. А теперь на накатанных дорожках счастье кончилось. Твоего папу хоть понять можно – он дорабатывает. А я? Почему я такой трус?

– Ну, уйди! Подай заявление!

– А куда? Куда?!

Мне так было себя жалко.

– Может, сегодня больше не будешь ковыряться в болячке?

– Почему? Буду. Но потом... – я потянул Ленку к себе. – Пойди-ка сюда. С утра жутко хотелось тебя...

– Только после того как ты расскажешь какую-нибудь очень интересную сказку про любовь..., – весело напружинилась она. – Папа говорит, что ты в этом плане большой мастер! Он часто записывает всякие истории, которые ты придумываешь на лету.

5

История давняя. Ей много лет. Больше, чем всем сегодняшним государствам мира. Она произошла в Вавилоне. Вернее, в его предместьях. В те времена, когда люди строили ту самую Башню. Ради чего её строили? Это отдельная тема. Возможно, я ещё коснусь её. Но сейчас речь не о Башне, речь о любви.

В те дни ангелы имели плоть, и им нравилось бывать в обществе земных женщин. От этих встреч рождались великаны и исполины. Ангелы ещё не знали своё предназначение, и мир казался им бесконечным садом плотских удовольствий. Они были настолько пресыщены жизнью, что большинство земных мужчин ненавидело их, потому что люди выглядели на их фоне беспомощными и бедными.

Ангелы редко по-настоящему любили женщин, но иногда чувство приходило и поселялось в их сердцах. Так произошло с ангелом Аурэлем и девушкой Оюной. Они встретились в харчевне, принадлежавшей её отцу, где Аурэль отдыхал после работы на Башне. Он сидел за столом, окутав себя крыльями – символом ангельской силы, дававшей им те возможности, что делали их великими по сравнению с людьми.

Оюна подавала Аурэлю еду и вино, присматривая, чтобы мальчишки со двора не повывёргивали слишком много перьев из волшебных крыльев. Она, как и большинство людей, относилась к ним с трепетом и благоговением. Иногда, когда никого в харчевне не было, а Аурэль спал и забегавший внутрь влажный торопливый ветерок слабо шевелил его перья, Оюна аккуратно поглаживала крылья своими ладонями. И, как ей казалось, мелкие сладкие искорки сбегали в её руки и чуть щекотали их.

Однажды Оюна решила дотронуться до волшебных перьев щекой, и наклонилась к крыльям. В этот миг Аурэль обхватил её одним из них и прижал к себе. Земные девушки не могли сопротивляться ангелам, и Оюна не сопротивлялась. Аурэль долго и страстно целовал её, а ей казалось, что искорки бегут теперь и внутри неё. Когда ангел насытился, он отпустил Оюну и выпил вина. Но, выпив его, понял, что ему не хватает чего-то. И он снова притянул женщину к себе. Так повторилось несколько раз, и, наконец, Аурэль понял, что не может удовлетворить тот голод, что появился внутри него.

– Что ты сделала со мной? – спросил он у Оюны.

– Полюбила тебя... – ответила девушка. Она уже нашла тот ответ, который ангел ещё боялся услышать внутри себя. – Может быть, ты тоже капельку полюбил меня?

Аурэль только буркнул в ответ что-то невнятное, и снова выпил. Но он теперь знал: так и есть, это любовь.

Спустя несколько дней он уже не бурчал. Он слагал ей поэмы и освещал крыльями дорогу для ночных прогулок по тёмным улицам в их предместье Вавилона. Он носил её на плечах над горами и морем, приносил ей бриллианты, отложенные им за долгие годы. Она же улыбалась в ответ и прижималась к его крыльям: чего, собственно, ему и хотелось. В общем, их любовь была в самом разгаре, когда вдруг стало ясно: к Земле движется флот Великих Миров. Никто из простых людей и даже ангелов не знал, что стало причиной атаки. Все были напуганы и недоумевали: ведь Великие Миры всегда дружили с Землёй и её обитателями. Говорили, что причиной всему Башня, но никто не мог понять, как и чем она могла помешать Великим Мирам. Люди бежали из Вавилона и предместий. Страна опустела.

В те же дни архангел Гавриил объявил, что исполняется предначертание божьих воинов, и объявил их сбор. Аурэль и Оюна как раз только вернулись из дальнего путешествия в северные страны, ещё не зная о беде. А когда они узнали и услышали о призыве архангела, то зарыдали, потому что понимали: пришло время расстаться навсегда.

– Я не отпускаю тебя, – плакала Оюна. – Если суждено нам погибнуть, то вместе.

– Но я ангел, – рыдал Аурэль. – И мое предназначение быть рядом с подобными мне в этой схватке.

– Ты не будешь ангелом! – сказала тогда Оюна. – Ты нужен мне, Аурэль. Выбирай, что дорого тебе: моя любовь или твоя гордыня.

– Любовь.

– Так стань человеком, и люби меня.

– Как?

– Избавься от крыльев!

– Крыльев? – возопил он, а она протянула ему огромный топор, которым кололи во дворе дрова для очага.

– Им я лишу тебя крыльев.

– Я всё равно умру, – Аурэль опустил голову. – Но моя бескрылая смерть будет бесчестна и ничёмна.

– Ты не умрёшь, – ответила Оюна. – Положи свои крылья!

И он повиновался любимой – положил их на огромный пень, стоявший в их дворе, а она, размахнувшись, ударила по крыльям топором из небесного камня, которым рубили магические кристаллы ангелы в харчевне, чтобы заплатить ровно по счёту.

Крови не было. Лишь миллионы искорок разлетелись прочь, и со стоном Аурэль упал. Но Оюна знала, что делать. Перебинтовав раненного ангела, она кинулась со двора искать других ангелов, чтобы они привели к ней архангела Гавриила.

Великий воин пришёл в их двор, и долго смотрел, как умирает рядом с харчевней тот, кто был ангелом. Как источается в мироздание Божий свет, спрятанный в отрубленных крыльях.

Гавриил приложил свои губы ко лбу Оюны и сказал:

– Это истинная любовь. Я не могу простить его, но помогу ему выжить. И он будет человеком: твоим возлюбленным.

Оюна зарыдала и обхватила ноги Гавриила, но он отстранил её и поцеловал лоб Аурэля:

– Ты свободен, – сказал архангел.

И Оюна осталась около любимого, а ангелы поднялись над землёй, чтобы исполнить своё предназначение в битве за людей.

Аурэль и Оюна жили вместе ещё много лет. Своим детям они рассказывали о том, как армия Божьих воинов остановила флот Великих Миров. Как сгорели ангелы в собственном огне, которым выжгли незваных гостей из глубин Вселенной. Как, потеряв плоть, вернулись они во главе с архангелом Гавриилом, чтобы попрощаться с Землёй и уйти в свой, Божий, мир, где они обещали встретиться Аурэля и Оюну. Их дети смеялись над этой интересной историей, так как не знали, что когда-то и у их отца были крылья.

Когда же Аурэль целовал их, он вдруг начинал думать, что всегда был человеком и просто придумал себе романтическую и красивую историю...

Много прошло лет. Любовь так и не покинула их. А потом Аурэль и Оюна умерли. Они предстали перед архангелом Гавриилом, и тот с грустью и нежностью смотрел на их влюблённые даже после смерти души. А потом назначил им наказание – наказание которое заслужили они, нарушив Высший план, отказавшись от любви Божьей во имя любви человеческой – рождаться и умирать, не находя друг друга, но вечно ощущая тоску по неведомому и прекрасному идеалу.

– Мы никогда не встретимся более? – спросила Оюна.

– Если Бог вдруг явит свою милость. Но он расстроен и опечален вами, – ответил Гавриил.

– Прости меня, любимая, – сказал Аурэль.

И они воплотились вновь... И вновь. Не мы ли это с тобой, Ленк? – сказал я.

– Это про тебя и твою Ритулю..., – строго вздохнула она.

Пять лет тому назад Рита ушла от меня. Неожиданно. Наша дочка Машка была тогда у её мамы в Саратовской области. Рита впервые не пришла ночевать. Звонил ей вечером, ночью и днём, но её нигде не было. Вечером пришёл Витёк. Мы пили и всё ждали, когда она придёт. Затем я уснул, а Витёк просто захлопнул дверь – мы тогда снимали «хрущёвку» на первом этаже.

Утром оказалось, что в квартире на соседнем диване спит отец. Его прислала присмотреть за мной Рита. Она сказала моим родителям, что устала и что любовь тоже имеет границы терпения. Ещё она сказала, что забирает дочь, потому что оставлять её со мной опасно. Ко всему Рита добавила, что надеется больше не пересекаться ни с ними, ни со мной в этой жизни: мол, заглянула на огонёк, ожглась, пора и честь знать. Мы же особенные! Она простая, но она ненавидит пьянство: водка убила её отца, и ей не хочется, чтобы на её глазах погиб ещё и муж. Пусть умрёт чужим человеком. Моя мама орала на неё, говорила, что не отдаст внучку. Все было пустое. Рита просто исчезла на несколько недель из города. Потом она звонила мне и просила успокоить родителей, не устраивать шоу из-за нашей Машки. И я успокаивал их как мог. Риту я просил не уходить и обещал не пить. Она отказывалась, и я пил.

Вечером, когда вышел в магазин, меня забрали в вытрезвитель. Я много шумел и не хотел снимать обручальное кольцо перед тем, как сесть в камеру. Когда стали выворачивать руки, швырнул об стену какого-то капитана. Меня связали «ласточкой» и начали упорно колотить лицом о бетонный пол. Когда лицо превратилось в месиво, предложили выбрать: вывезти меня в лес и грохнуть или подписать бумаги о том, как я пьяный бился в истерике и разбил себе лицо о стену. Я уже почти протрезвел и всё подписал. Меня выставили за дверь, и какие-то «хроны», встретившись в десяти метрах от РОВД, сразу же предложили мне отметить мой счастливый выход на волю. Они повели меня на пустую, провонявшую плесенью и мусором квартиру, где поили самогоном и весело называли «Боксёром» за расквашенное лицо.

В конце концов, я ушёл от них, потому что меня мутило. Дома я потерял сознание. Врач определил сотрясение мозга, и я полтора месяца провалялся на «больничном». В это время я не искал Риту, и она не звонила мне.

Рита объявилась, когда я вышел на работу. Сказала, что живёт с другим мужчиной. Дочь то с ними, то у мамы в Саратовской области... С тех пор я видел Машку всего один раз. Мы встретились в парке, куда Рита вывела её покататься на аттракционах. Сидел, мял её ручонки, целовал щеки. Она смеялась, смешно морщилась и всё время испуганно оглядывалась на Риту.

– Не забирай её совсем.., – попросил я.

Она помолчала.

– Как ты? Пьёшь?

– Не без этого... Но я могу держаться...

– Как сейчас с деньгами?

– Хочешь одолжить?

– Может ты на мели?

– На мели.

– Возьми, – она протянула мне десяток купюр общей суммой в полторы мои зарплаты.

– Я не смогу отдать. Не надо, – я отвернулся.

Она сунула деньги мне в карман:

– Кстати, это хороший шанс заработать. Тогда и отдашь.

– Какой?

– Скоро выборы в областную Думу. Мой Миша будет баллотироваться от местного отделения Союза Правых Сил. Он тебе найдёт клёвую пиар-работёнку.

– О! Это твой новый?

– Да, мой новый.

– Такой крутой?

– Он не крутой. Он предприниматель. Несколько магазинов, три кафе и мини-рынок. Ещё артистов возит всяких. Это из того, что я знаю. Но мы о делах говорим мало.

– В основном – постель?

– В основном – да, – она одёрнула рванувшуюся за кошкой Машку слишком сильно, и та плюхнулась на попу, завертела удивлённо головой.

– Пяпя...кося! – сказала дочка, показав на убегающую в глубину парка сиамку.

– Кося, – подтвердил я. – Говорить надо «кошка».

– Короче, воспитатель-логопед, будешь на выборах работать?

– Отчего же, можно. Что делать?

- Одно место лизать. Ты же умеешь?
- Хватит грубить. Ещё при дочке. Радиоматериалы или статьи?
- Радио.
- Без проблем.
- Скажи папе «до свидания»!
- Да сисяния, – Машка протянула мне ручку. – Пяпя.

С тех пор три месяца раз в неделю я готовил для Миши по сюжету. Заключил официальный договор, за которые компания мне перечислила законные двадцать пять процентов – как автору и исполнителю. Плюс Миша сказал, что партия заплатит мне дополнительно. Вообще, он оказался хорошим парнем. Громким, весёлым, лёгким. Быстро постарался сгладить всю нашу неловкость общения, заявил с порога:

– Если дуэль, то после выборов! Давай сразу перетрём: как бы там личная жизнь не складывалась, главное для мужика – дело. Верно? Ты классный специалист в своей области. Я в тебе нуждаюсь. У меня деньги. Ты хочешь заработать бабла. Наши взаимоотношения – это бизнес. А если на сердце груз или в морду дать хочется – изволь, в свободное от работы время. Но мне кажется, нам драться незачем...

Я хмыкнул, потом улыбнулся пошире, подружелюбнее.

– Ладно, – он протянул руку. – Давай серьёзно. Садись... Я не люблю недомолвок. Раз нам вместе работать, давай расставим все точки. Я у тебя жену не уводил. Верно?

– Да.

– Вы расстались сами. Ваши проблемы, я в них не лезу. Не моё дело. Но вот вы расстались. Она ведёт себя как свободная женщина. И я узнаю, что она действительно свободная женщина. Она мне нравится. Я ей. Я полюбил её, и предлагаю жить вместе... Скажи мне искренне, где здесь мой грех перед тобой?

– Нет греха, – кивнул я. – Согласен я. Не о чем нам спорить и ругаться. Будем просто работать.

– Отлично! А будем работать, будем зарабатывать, – и он протянул мне тоненькую пачку долларов. – Аванс. Чтобы ты не перебежал к конкурентам, если вдруг предложат больше.

Я знал, что больше не предложат. Выходя из офиса партии, посмотрел на сумму: пять сотенных купюр. Было что-то в этих деньгах, отдававшее тридцатью серебряниками. Я мусолил доллары в кармане и думал, почему они так выпрыгивают у меня из рук, почему мне так гнусно и противно за себя? Я подумал, что мне кажется, что он словно купил у меня жену. Но я оправдался его же аргументами. Я сказал себе: «Она ушла без него. Сама».

Потом, много лет спустя, я узнал, что Миша мне всё-таки приврал. Она стала изменять мне с ним задолго до ухода. Да и ушла, зная, что почва под ногами уже есть. Я её не осуждал. Ни тогда, ни потом. Это было логично – искать почву. Без неё ты висишь в воздухе. Но такой пилотаж не всем нравится. Она поступила правильно. Но эти деньги... Всё-таки я оказался Иудой... Или даже хуже?

Он платил и платил мне. За каждый репортаж. За каждую поездку. По поводу и без. Он организовывал мне баньку, и я парился в сауне вместе с их штатными проститутками, упиваясь виски «Белая лошадь» и дорогим французским шампанским «Мадам Клико». Привозили и отвозили на огромном «мерине», и Мишина охрана уже дружески приветствовала меня при входе в его офис. Я лакал это все, захлёбываясь и жадно. Я знал, что это только сейчас. Только здесь. Только с ним. Я прятал дома в кладовке в пальто взятые доллары. Пачка росла. К концу выборной кампании я получил уже три тысячи...

А потом его партия вдрызг проиграла. Мишу не выбрали в Думу. Напоследок он добавил мне ещё две тысячи и долго тряс за плечи, обещая обязательно пригласить на следующую кампанию.

Через неделю после этого мне позвонила Рита. Она сказала, что есть деловое, даже очень деловое предложение. Она сказала, что я алкоголик. Что дочери опасно иметь такого отца. И она хочет спокойной жизни. Она хочет, чтобы Машиным отцом был Миша.

– Это как? – удивился я.

– Ты откажешься от отцовства, вот так.

– Зачем?

– Я не хочу, чтобы нас что-то связывало. Мне нужна новая жизнь. С нуля. С тем, чтобы отец

моего ребёнка был рядом со мной... Я забочусь о Машке! – закричала она. – Ты спиваешься! Ты сопьёшься и сдохнешь где-нибудь под забором! Что ты ей дашь?.. А Миша, я говорила с ним, он согласен. Ты же понимаешь – за ним огромное состояние, недвижимость. И всё это достанется твоей дочери! Ты не хочешь ей счастья? – Рита заплакала.

– Это так жутко, – я не знал, что ей ответить. – Так жутко! Отказаться от дочери! Ты мне ужас предлагаешь!

– Хватит ныть! – она с хрипом оборвала свои слёзы. – Твоя дочь будет счастлива!

– Но она не будет моей дочерью!

– Тебя волнуют формальности?

– Я смогу её видеть?

– Если не будешь пить, конечно. Но не будешь пить вообще. Ты понял?

– Все равно насчёт Машки то, что ты сказала – это безумие! Как я родителям объясню такое?

– Ты им ничего не должен объяснять. Это деловое предложение. Я же сказала... Ты будешь жить отдельно от родителей.

– То есть?

– Мы купим тебе небольшую аккуратную квартирку. Типа ЗГТ. Ты такие любишь... Но ты подпишешь нам все бумаги!

Я вздохнул и повесил трубку. Она не перезванивала. Поняла, что я согласился... Это было пять лет назад...

7

С Ленкой мы познакомились на радио. Она редко приходила к Николаю Сергеевичу, разве что пару раз за много лет. Но в тот раз ей для чего-то срочно потребовались деньги, а у него всегда запасливо лежала энная сумма на работе в ржавом сейфе, который волшебным образом открывался щелчком по дверце.

Ленка пришла под вечер, когда мы как всегда что-то отмечали. Кажется, День сталинской конституции или день рождения Ельцина. Не помню точно. Она села с нами и выпила пару рюмок. Алкоголь действовал на неё легко, приятно. Ленка раскраснелась, зазвенела как-то, заулыбалась. Точно лопнула кожа, под которой всё было сладкое, нежное, вкусное. С ней сразу захотелось болтать на скамейке в парке, гулять по набережной, целоваться вечером в школьном дворе. Захотелось быть её родным и близким человеком. Конечно, выпитое мною тоже сыграло свою роль, но все эти чувства и желания засуетились во мне не на пустом месте.

Когда она собралась уходить, я предложил свои услуги в качестве провожатого: мол, опасно одной с деньгами.

– А я быстро бегаю, – улыбнулась она. – Не догонят.

– Спортсменка! – гордо сказал Николай Сергеевич.

– Разогнаться не дадут, – гнул я своё. – Пойдём вместе!

– А я не против. Только причём тут деньги? Хочешь меня проводить – так и скажи!

– Ты, Санёк, к моей дочке не клейся! – погрозил мне пальцем Николай Сергеевич. – Я тебя знаю! Ты ей жизнь не порть!

– Не испорчу, – пообещал я.

– У неё уже был один. Спортсмен. Тоже такой как ты кручённый-верченый... Не обижайся, Саш, но она же дочь мне. Полгода прожили – и поминай его как звали!

– Пап! – Лена трянула его за плечо. – Думаешь, всем интересно знать детали? Хватит!

– Ладно, – он покачал руками. – Всё!

– Борис, ты не прав! Санёк парень хороший, – героически встрял Витёк. – Но если Коля категорически против, могу проводить я.

– Эй, пипл! – Николай Сергеевич потряс кулаком. – Мы собрались здесь не затем, чтобы устраивать любовные турниры!

– Идите, пока он не почувствовал себя Зевсом-громовержцем!.. – поэт-мэтр Виталий ласково и в то же время властно подтолкнул нас с Ленкой к выходу. – Что ж парню девушку не проводить?

И мы пошли... Выбежали из телерадиокомпании, держась за руки. Сразу же свернули к фонтану неподалёку от телевышки и, остановившись у него, стали целоваться.

– У меня дурацкое ощущение, – сказал я, отрываясь от неё. – Что мы уже целовались. Когда-то очень-очень давно. И нам было здорово! А потом мы расстались, и теперь снова вместе.

– А мне просто здорово! Сейчас здорово!..

Наш роман начался без затравки, без разминки и подготовки. Мы сразу помчались на дистанцию. Съездили, отвезли деньги – Ленка отдала их подруге на покупку «шмоток» в Турции – и отправились ко мне.

Родителям Ленка сказала, что ночевала у подруги...

Первые три месяца были относительно идеальными. Я даже стал сдерживать себя и реже выпивать. Единственное, что смущало меня – это её папа Коля. Каждый раз, встретив его утром, я испытывал нечто вроде мук совести, если проводил ночь с его дочерью. В принципе, все были взрослыми людьми, но мне никак не хотелось примешивать в рабочую атмосферу элементы взаимоотношений цепочки «тесть-зять». Тем более что Коля провёл с Ленкой политрабоду, познакомив с моим образом жизни, не исключавшим ни беспробудного пьянства, ни волокиты за всеми интересными юбками.

– Так ты бабник! – смеялась она. – И много у тебя сейчас женщин?

– Одна, – улыбался я. – Куда мне ещё?

– Мы же видимся не каждую ночь, а? Отвечай, негодник? Сколько у тебя женщин? Скажи правду!

– Зачем?

– Мне интересно. Я не обижусь. Мы же не женаты и имеем полное право спать, с кем хотим.

– Я сейчас не хочу спать ни с кем другим.

– А захочешь – скажешь?

– Нет.

– Почему? – серьёзно спросила она.

– Я не умею говорить плохие вещи. Ты сама догадаешься.

– И скоро мне придётся догадаться?

– Хватит! Я же абстрактно говорю, а ты серьёзно уже обижаешься.

– Я не обижаюсь пока. Но прошу тебя – расскажи мне, когда переспшишь с кем-то. Я не буду с тобой скандалить... Думаю, даже не уйду, если ты сам не захочешь. И уж точно не стану тут же бежать и спать с кем-то тебе назло. Понимаешь? Просто захочу узнать.

– Понял... Я скажу.

– Обещаешь?

– Обещаю. – Я давно убедил себя в том, что ложь – это вынужденная мера, для того, чтобы могли быть счастливы люди, не готовые принять правду. Мысль звучала красиво и логически грамотно. Она стала моим жизненным принципом. С каждым годом я всё меньше сожалел о том, что не могу вспомнить ни одного человека, с которым был бы абсолютно искренним. Ведь все чего-то хотели от меня в наших отношениях, и я очень не хотел разочаровывать этих ожиданий...

Я не знал, как определить свои чувства к Ленке. Там была страсть – это определённо. Но не доведённая до абсурда, до боли. Просто яркое, сильное желание. Там была нежность. Я искренне до мелких, почти невидимых слёз в уголках глаз, жалел её за травмы, полученные в молодости от занятий гимнастикой и нередко болевшие теперь от любых перепадов погоды. Я злился и почти ненавидел её бывшего мужа, проигравшегося в карты и убежавшего от долгов из города, практически оставив Ленку самостоятельно разбираться с полукриминальными кредиторами, требовавшими от неё продать квартиру и заплатить за него по счетам. Неизвестно, кстати, чем бы это могло закончиться, и я уже подумывал о необходимости предложить ей пожить со мной, чтобы действительно отдать квартиру, полученную, кстати, Колей, в счёт долга. Разрешило ситуацию то, что Ленкин «бывший» вдруг объявился в городе и позвонил ей, узнать, как дела. Она сказала ему, что передаёт телефон, откуда он звонит, его друзьям-уродам, и ему придётся самому платить по своим долгам. Оказалось, что он не против, что сорвал где-то куш и желает вернуться в семью. Ленка его послала, и он снова исчез, правда, расплатившись с кредиторами. Я искренне был счастлив, когда она улыбалась моим маленьким сюрпризам – букетик цветов, завтрак в постель или подарок к мини-дате нашего знакомства. Мне нравилось болтать с ней, гулять по лесу, ходить в кино. Я ждал её звонков. Я подолгу говорил с ней по телефону. Я нервничал, если она не звонила. Наверное, я был влюблён.

Может, это называется как-то иначе? Если бы я был доктором любви и выслушал все эти симптомы, я бы уверенно поставил диагноз. Влюблён. Другое дело, что я видел болезнь изнутри. И всегда сомневался. Ведь я изменял ей. Глупо, бессмысленно, но изменял. Может ли изменять влюблённый? Тот же доктор скажет вам, что нет. Значит, я не был влюблён? Я часто размышлял об этом: один или лёжа с Ленкой. Вслух же старался не произносить никаких глаголов или причастий, связанных с темой любви. А когда мои лёгкие не могли сдержать восторг от нашего общения, я шептал ей тривиальные нежности: говорил, что искренне счастлив рядом с ней, что она самая лучшая из всех, и мне чудесно от её близости.

Мы съездили с ней на юг, отдохнув в хорошем, ещё сталинской постройки санатории. Я познакомил её с родителями и даже дал ей ключ от своей квартиры.

А потом был День города. Я шёл по Воронежу со своим профессиональным венгерским репортёром, периодически останавливаясь, чтобы записать кого-то из выступавших на улицах артистов. Затем рядом оказались ещё журналисты из пары газет. Мы пошли перекусить в кафе: ели чебуреки и опрокидывали в себя дешёвое, с жёсткими хлопьями на дне, красное вино. Откуда-то взялась девушка. Она тоже была журналисткой, но работала в пресс-службе одной мебельной компании. Девушка грустила. Я погладил ей руку. В какой-то момент, когда ребята вышли на улицу покурить, я сказал журналистке, что нам пора бежать. Мы выскочили на улицу и сразу же остановили машину.

Назавтра утром я ещё в постели вспомнил, что вчера мы собирались пойти с Леной на салют. Но самое худшее я выяснил, когда встал. На столе лежал мой второй ключ. Он придавливал маленькую записку: «Ну, ты и урод!»

Я позвонил Ленке на следующий день вечером. Я каялся и говорил, что всё это чепуха, что эту девчонку я больше не увижу, а именно её, Ленку, люблю как Аурэль Оюну!

– Хороший ты момент нашёл для подобных признаний, мерзавец.., – Она повесила трубку.

Я перезванивал, но Лена выключила телефон.

Мы помирились недели через три.

– Теперь всё будет по другому, – сказала мне, придя, Ленка.

– Как?

– Без иллюзий. Честно. Ты можешь честно?

– Я постараюсь.

– И я постараюсь... Я люблю тебя.

– Ленка!..

– Подожди! Это я тебя люблю. Но не ты. Твои пьяные признания очень обидели меня. Я подумала, что ты можешь сказать это любой другой женщине. И эти слова как бы теряют свою цену, стоимость, вес. Они становятся пустыми из твоих губ. Понимаешь? Поэтому мне не надо от тебя слов о любви. Хорошо?

– А если я всё-таки люблю тебя?

– Я узнаю это иначе... Ты такой, как есть. Я могу пойти навстречу твоей лжи и представлять тебя другим. Но зачем? Либо я люблю тебя, либо любовь уйдёт. Если она уйдёт, я скажу тебе.

– А я могу сделать так, чтобы она не ушла?

– Не знаю, – она поцеловала меня. – Я не знаю. У меня не богатый опыт... Да, и ещё я бы хотела, чтобы ты поговорил с врачом.

– Венерологом, что ли?

– Дурак. Наркологом. Мой старый знакомый. Через спортивных врачей с ним познакомилась. Он занимается в основном наркоманами, но иногда берёт и алкоголиков.

– Ты думаешь, я алкоголик?

– Я это знаю. Хочу, чтобы узнал и ты.

– Я не буду кодироваться.

– Пока просто поговори с ним.

– Ладно.

Через месяц врач вколол мне в вену какое-то лекарство, шипучим жжением бросившееся в голову, связавшее немотой язык. Перед этой экзекуцией я подписал бумагу, в которой значилось, что пациент предупреждён о возможном летальном исходе в случае употребления спиртного.

Я не пил полгода. А потом однажды после очередного напряжения на работе решил по этому поводу успокоить нервы парой банок пива. Когда я допил пятую, то упал, схватившись за бок на пол. Едва удалось позвонить в «скорую» и Ленке (я сказал ей номер), а дверь оставил открытой.

«Скорая» не стала меня забирать – они объяснили, что у них нечем нейтрализовать лекарство. Но Ленка привезла с собой моего доктора. Он орал на меня и всаживал укол за укол: для печени, для сердца, для почек...

Я выжил, а Ленка снова ушла.

Мы потом опять помирились, но я уже как-то свыкся, что она, хоть и близко, но всегда на расстоянии от меня. Что-то вдруг выскользнуло из моего сердца, и я осознал, что больше не влюблён в неё. Просто благодарен, и очень хорошо отношусь. Но внутри уже ничего не трепещет.

И как-то я сказал Ленке:

– Я порчу тебе жизнь. Я понимаю. Найди себе кого-то.

– Я не нашла не потому, что ты не разрешал мне.

– Со мной не выйдет обустроить нормальную семью. Скажем, как у моих или твоих родителей. Я типичная жертва перестройки и новой социальной ориентации. Лишний человек. Так сказать, Печорин конца двадцатого века. Хотя это слишком лестная характеристика для меня...

– Может быть ты – Базаров?

Я прислушался к себе:

– Кажется, нет.

– Тогда Раскольников?

– Тоже явно не тяну.

Она засмеялась:

– В любом случае ты будешь самый ужасный муж на свете! На тебе надо выгравировать клеймо: «Семейная жизнь категорически запрещается».

– Ты Риту имеешь в виду?

– И ещё десяток таких, как мы с ней. А вот дочь ты, по-моему, любишь. И её не предашь.

– Я же отказался от неё. Уже предал.

– Бумагами этими? Нет. Ты подписал мир в душе своей бывшей жены. Да и почему бы твоей дочери не получить возможность на более менее обеспеченное будущее? Рита мыслит разумно, хотя и очень жёстко.

– Мне стыдно за свой поступок.

– Напрасно. Тобой же двигала именно любовь к дочери.

Я вдруг заплакал.

Она гладила меня по голове и приговаривала:

– Миленький. Хороший мой... Успокойся. Ты такой большой и сильный. Ты в Чечне, когда в плену был, плакал?

Я громко всхлипнул:

– Нет...

– Так и не надо начинать!

День ото дня Ленка боролась с собой: старалась как можно реже со мной видиться. Я не очень расстраивался, и она это понимала.

– Я постараюсь исчезнуть, – сказала как-то Ленка с непривычным для неё ожесточением. – Если уж совсем утомила, сделаю это сейчас.

– Что ты! – Я поцеловал её. – Глупости! Я не хочу, чтобы ты исчезала!

– Зато я хочу. Я так себя презираю!

– За что? – я явно сфальшивил.

– Вот за это! За то, как ты спрашиваешь!

– Ну, давай найдём компромисс? Чтобы ты не чувствовала себя униженной, заведи себе кого-то.

А дальше посмотрим – захочешь, будем общаться и дальше.

– Кого завести – собачку?

– Парня.

– А-а! Парня! Спасибо за совет! – тогда она просто ушла, хлопнув подряд всеми тремя дверьми в моей «хрущёвке».

А через пару месяцев Ленка его себе нашла. Хотя, может, нашёл её он. Расследовали дело о мошенниках, тех, которым задолжал её бывший муж. Новый знакомый возглавлял районный отдел по борьбе с экономическими преступлениями. Был майором. Имел орден за Чечню. Я знал цену таким наградам, таким людям. Но ещё у него было двое детей, живших с бывшей женой в другом городе, полусумасшедший отчим в огромной «сталинке» в центре, доставшейся приложением к квартирному наследству от недавно скончавшейся матери.

– Он хороший мужчина? – спросил я у Ленки при очередной встрече на моей жилплощади.

– Неплохой... А хочешь знать, с кем мне больше нравится быть?

– Нет, не хочу. Ты лежишь со мной. Ты сама приходишь ко мне. Значит, я тебе нравлюсь и мне этого достаточно.

– Я люблю тебя, – сказала она. Было стыдно и больно это слышать. Но она ещё добавила. –

А свою любовь ты растерял сам. Выхолостил дешёвым блудом.

Я ничего не ответил. В душе было, действительно, пусто.

Иногда мне снится, что внутри меня дремлет зверь. Лежит, положив клыкастую морду на когтистые лапы. Смотрит бесстрастно и устало сквозь мои глаза. Он ждёт своего часа. Ждёт, когда его выпустят. Я видел фильм с Джетом Ли. «Денни – цепной пёс». С парня снимали ошейник, и он тут же срывался с тормозов. Начиная крушить и убивать всех вокруг. Видимо, его зверь не лежит, положив морду на лапы. Он стоит, ощетинившись, и ждёт сигнала. Мой чуть дремлет. Однако когда опасность становится абсолютно реальной, когда дальнейшее промедление грозит смертью, – он срывается с места. Стартует с глухим рыком на ближайшую жертву. Это спасло меня в Чечне. Спасло многих ребят моего взвода. Я молниеносно среагировал на опасность. Тот, кто пытался ударить меня ножом, он уже визжит – я выдавливаю ему глаза. Мы крутимся, чтобы, пока я рву его лицо зубами, второй чех не выстрелил мне в спину. Густая кровь пульсирует из чужого носа на мой бушлат. Я отпрыгиваю, отталкивая ногой первого. Он падает и стонет на земле. Теперь второй. Он побаивается, но не испуган, скорее, осторожен. Уверен в своей силе и правоте. Я глухо рычу и хожу вокруг. Он делает лёгкий выпад рукой, и я хватаю её своими двумя. Его крик и хруст сливаются в один звук. Он роняет автомат. Нет, я не буду убивать чеха. Лишь делаю вид, что хочу выстрелить. Он чем-то похож на моего отца... Сам не знаю почему, но я разрешаю ему уйти, а потом плетусь прочь. Я ранен. Мне успели несколько раз воткнуть нож в спину. В конце концов, я падаю на колени. Валюсь на бок. Зверь забирается внутрь и ложится на место. Мне нужны санитары. Ребята с носилками, где вы?.. Где наша милая санинструктор?

8

Идти на эту запись никто не хотел: в воскресенье да ещё вечером. Согласился, в итоге, я. Всё-таки интересная тема: у нас в цирке выступал болгарин, утверждавший, что он экзерсист и колдун в одном лице, к тому же владеющий гипнозом и способный исцелять. Времена всеобщего ожидания чуда прошли уже лет десять-пятнадцать назад. Проповедники забугорных вер перешли из цирков в подземные переходы и частные квартиры. А колдуны с экзерсисами прочно заняли места в колонках объявлений рядом с наркологами, проститутками и ритуальными услугами. Коля сказал, что про этого болгарина много пишут в центральных газетах, у него куча международных премий, авторитетных званий и было бы здорово взять у него интервью. Никто не хотел туда идти, и тогда я сказал, что, «так и быть, за отгул к отпуску я потрачу на это свой выходной». Коля дал добро, и я позвонил в цирк, договорился о бесплатном входе по удостоверению.

Людей было, на удивление, много. «Мода на запредельное возвращается? Не лучший симптом...», – печально подумал я и попросил контролёршу подыскать пустое место. В итоге вынесли стул, и я весьма неплохо расположился рядом с ареной.

Высокого роста, сутулый, худой, коротко стриженный, он был молод и совсем не походил на Филиппа Киркорова – единственного известного мне болгарина.

«Называйте меня Кирилл», – строго сказал парень.

Свет начал гаснуть, оставив на лишь перекрестие двух тусклых прожекторов. Болгарин принялся глухо молиться, бормотать под нос себе какие-то слова, креститься. Он осенил весь зал иконой, извлечённой из-под длинного чёрного халата, походившего на сутану, и я подумал, что выглядит это

на арене цирка как-то богохульственно. Потом экзерсист быстрым движением погрузил свои кисти в рукава и словно вытолкнул оттуда клубы странного чёрного тумана.

– О-о! – раздалось из середины зала.

Туман был и в самом деле необычный: какой-то скользкий, маслянистый, поплёскивавший под лучами.

– Аллилуйя! – возопил Кирилл. – Томление души нашей разреши именем твоим!

Туман стал набухать, превращаясь в огромный плотный ком. Он дрожал некоторое время внутри арены, а потом выгнулся, потянулся в зал.

– Помогите! – истерично закричала какая-то женщина. Раздался громкий выдох, и чьё-то тело шлепком упало на пол. Люди вокруг дышали глубоко и хаотично. Их страх передался мне. Я вдруг понял, что туман развалился на ветвистые лапы и одна из них тянется ко мне. «Чушь!» – успокоил я себя, но ужас уже завибрировал внутри.

– Чернь да поест чернь! – изрёк громко болгарин. – Грязь да поглотит грязь! – и он снова зашептал некие молитвы.

Туман тронул меня за лицо. Я невольно попытался смахнуть его, но это не удалось: я ещё больше погрузился во мрак.

– Задыхаюсь! – закричала женщина рядом и задрожала, затряслась в кресле. Мужчина, сидевший неподалёку, подхватил её подмышки и, матерясь, поволок к проходу.

– У-и-и-и! – свиньёй завизжал кто-то за спиной. Через зал, напротив, ему ответил давящийся слюной собачий лай.

– Имя вам – легион! – Кирилл поднял руки и встряхнул ими. Из рукавов вывалилась новая порция уже белого тумана. Пока он насыщался, чёрный добрался до верхних рядов. Визг, лай, вой и громкий мат давили какофонией на уши. Я понял, что меня тошнит, и изо всех сил напрягся, чтобы не вывернуло прямо под ноги.

– Беги! – простонал кто-то. Я обернулся: сидевшие сзади смотрели на арену неестественно вытупленными глазами, тупо замершими на одной точке.

– Вы – мне? – спросил я.

Они не пошевелились. Их глаза даже не моргали.

– Беги! – заорал бас.

– Кто-о?! – закричал в ответ я.

«Беги!!!» – голос звучал во мне. Я закрыл глаза и зажал зачем-то рот. Я испугался. Стало по-настоящему жутко. Как ребёнку во сне. Но я не встал с места. Белый туман уже подбирался к лицу, и сладко чесалось что-то внутри головы, желая, чтобы эти невесомые лапы так-таки пробрались внутрь. Я отпустил рот и схватился за свой стул.

– Свет выжжет тьму! – провозгласил болгарин. – Пусть скроется зло или сгорит! – он вдруг закрутился в центре арены, и подол его халата выгнулся зонтиком. Экзерсист был похож на танцующего дервиша. Страх мгновенно рухнул куда-то вниз, и я засмеялся.

«Наблюдай», – сказал мне голос. Совсем другой, не грубый и спокойный.

– Браххадакала! – прорычал бас, но мне было уже почти скучно.

Белый туман тронул моё лицо. Я расслабился и откинулся на спинку стула... Я слышал, как хохочут люди. Смеясь, упруго вздрагивал купол цирка. Я тоже засмеялся. Было свободно и легко...

Потом зажёгся свет. Болгарин поклонился и ушёл с арены. Я встал и, выбравшись из зала, отправился искать служебное помещение, чтобы взять интервью.

– Ну, как сходил? – спросил меня Коля.

– Всё крайне странно... Даже не знаю, как относиться.

– Что такое?

– Во-первых, само представление. Мне, действительно, показалось, что он владеет чем-то... не знаю... чем-то особенным. Сотни людей, я сам – мы это ощутили. Но ладно. Не это главное. Главное началось после выступления. Я пришёл брать интервью. Стал что-то спрашивать, и тут... Ты куда-нибудь звонил, что я пойду?

– Нет. В каком смысле?

– Ты этому болгарину – он, кстати, из Турции – не звонил?

– Я и номера его не знаю.

– Ты кому-то вообще говорил, что я туда иду?

– Дай подумать... Нет... Так, пара девушек звонила тебе в пятницу. Одна спрашивала, не знаю ли я, будешь ты в Воронеже на выходных? Вот ей только, сказал, что, мол, в воскресенье он точно тут, так как вечером идёт в цирк на болгарина.

– Нет, кому-то из цирка? Может всё-таки звонил кто, интересовался, кого ты отправил на задание?

– Нет, ничего подобного. Абсолютно.

– Ну, я тоже так подумал... Кому нужны такие шутки? Короче, я начинаю вопросы задавать этому турецкому болгарину, а он мне в ответ: «Не такого-то числа вы родились и такого-то года?». Я отвечаю: «Да, так». И, честно сказать, мороз по коже меня продрал. Ты, блин, представь такую фигню! «Откуда вы знаете?» – спрашиваю. А болгарин: «Слава Богу, я Вас нашёл! Я Вас искал и ради этой встречи приехал в Воронеж».

– Не фигу себе! – Коля покачал головой. – Страсти-мордасти какие!

– Ты слушай! Он говорит, короче, я, де, то есть, он – только ученик одного гуру из Турции. Так расписал, блин. Вроде тот вечно в кресле инвалидном, но головой вступает в контакт с инопланетянами, с Шамбалой и всё такое.

– На сказку похоже.

– Ну, да. Я тоже так подумал. Только с днём рождения меня очень смутило. И то, что он меня искал. Я говорю: «Конечно, рад за вашего гуру, но давайте интервью сделаем». Он мне – интервью, мол, дело десяти минут – сделаем. А вот искал я Вас потому, что Вам обязательно надо поехать в Турцию и поговорить с моим гуру!.. Я просто охренел! Коль, слышь, но я его, самое-то главное, спрашиваю: «А что Вы, мол, думаете, так просто для воронежского журналиста – сел и покотил в Турцию?». А болгарин отвечает – это не проблема. Деньги не имеют значения. Гуру полностью берёт все расходы на себя. Начиная с билета до Москвы и даже загранпаспорт оплатит!

– Да ты что? Ты в Турцию на халяву поедешь?

– И я его спрашиваю: что же получается, Вы меня приглашаете бесплатно посетить Турцию? Он мне запросто – да. Я говорю: «Вы подумайте, может, с человеком ошиблись?» Он засмеялся, мол, нет, мол, он давно меня ждал, и ошибки здесь быть не может... Короче, крандец! Коль, это либо ошибка, либо с моим пленом чеченским как-то связано. Я тем, кто меня захватил и в яму сунул, потом помог ребёнка их вылечить... Снадобье одно хорошее, народное, подсказал. В общем, мне надо отпуск оформить. Паспорт получу по ускоренной программе. И лечу в Измир. Там на машине меня отправят в Пумкалле, рядом с бывшим древнегреческим городом Иерополисом. Кстати, там когда-то убили и сожгли апостола Филиппа.

– Слушай, ну это ведь как тебе повезло! Сань!

– Я думаю, надо отметить?!

– Я не против.

– Скажу ребятам и – в магазин.

– Классец! – он взялся за телефон. Было видно, что как только я уйду, моё неожиданное и непонятное везение станет известно многим.

«Философия и поиск истины – не одно и то же. Хотя внешне они движутся к одному и тому же. Проблема философии в том, что она лишь закабалает ищущего в нагромождении слов, понятий, мыслей и терминов. Проблема умных людей, а философы, без сомнения, именно таковы, в том, что они уверены или даже бессознательно склоняются к мысли, будто бы они находятся недалеко от истины. Это заблуждение. Истина принадлежит всем в одинаковой мере, независимо от образования, вероучения или возраста. Она разлита в каждом человеке, и за ней не надо ходить в школу йоги. Её не нужно выводить в кабалистических пробирках и не стоит высчитывать математически. Истина – не мысль, не вывод, не гипотеза, не философский камень.

Мне Николай Сергеевич часто задаёт вопросы на тему «От кого произошёл человек? Кто создал его: эволюция, Бог, инопланетяне? Если это эволюция, то откуда пришли на Землю первичные формы жизни и кто направлял их развитие? А если был Большой Взрыв, то откуда взялись во Вселенной живые клетки, которых просто быть не могло после миллиардов ядерных взрывов звёзд? А если людей создали пришельцы с других планет, то кто создал этих пришельцев? Если Бог, то вечен ли он? А ещё люди хотят знать, создал ли кто-то Зло и Добро? И если кто-то их создал, то зачем создано Зло?»

Для того чтобы потом было с кем бороться?» Это лишь тысячная доля тех вопросов, что сыплются на меня. Над ними веками бьются философы, теологи, а теперь вместе с ними и учёные, которые проникают своим взглядом всё дальше в космос и всё глубже в материю. И хотя вопросов от этого не становится меньше, им кажется, что они уже близки к истине.

Я не против науки. Она помогает сделать нашу жизнь удобнее. К тому же те, кто по-настоящему увлечён ею, подобны детям, они постоянно делают открытия вокруг себя. Когда-то большие, когда-то маленькие. Я не против философии. Она учит нас стройно мыслить. Однако дети ближе к истине, чем большинство учёных и философов. Потому что истина проста и понятна каждому из них изначально. Слово «понимание» абсолютно ничего не значит для того, кто действительно обладает истиной. Она – не мысль. Она – чувство.

В чем же истина? Ответ на этот вопрос всегда перед вашими глазами: она в счастье. По чьей-то воле или сам по себе существующий мир имеет только одно истинное мерило собственной стоимости – счастье. Без счастья он лишь нагромождение материи и энергии, движущейся от начала к концу. Он не более ценен, чем водный поток, бегущий по горам. И не важно, появляется поток с дождём или от таяния снегов. Он был и его уже нет. Счастье – это душа мира.

Я говорю вам не о радости, не о гордости, не об удаче. Если вы нашли клад или вам выплатили на работе премию – это удача. Если кто-то похвалил вашу одежду, а ещё лучше то, как вы выглядите – вы гордитесь. Если у вас родился сын или выздоровел тяжело болевший отец – вы радуетесь. Счастье – это другое. Счастье – это когда ваше сознание хотя бы на мгновение очищается от радости, гордости, удачи, от боли, раздражения, обиды, – ото всего. И лишь ощущение бытия, дарованного вам Богом, входит в вас. Я почувствовал что-то подобное через два месяца сидения в подвале чеченского аула. За день до того, как наши «вертушки» высадили там десант. Увидев наших парней, я понял, что Бытие есть счастье. Эта живая планета, этот мир – счастье. Кометы рассекают космос, движутся тысячи звёзд и планет, проваливаются в расступающуюся бездну метеориты – им неведомо счастье. Они не способны ни ощутить его, ни дать. Среди миллионов мёртвых миров нам выпало истинное счастье – родиться в нашем, живом. Всё остальное лишь дополнение».

Я позвонил Рите и спросил, не надо ли что-то привезти ей или Машке из Турции. Наверное, просто искал повод похвастать предстоящей неожиданной поездкой.

– Спасибо, – Рита засмеялась. – Очень приятно, что ты про нас подумал. Но, знаешь, мы в Турции были в прошлом году. Даже не знаю, что оттуда мне бы хотелось получить. А Машке можешь привезти какой-нибудь оберег. Она их любит. И сладости восточные можно... А мне вот чего, придумала, кофе турецкий. Найдёшь?

– Постараюсь.

– Лучше тот, что прямо при тебе в магазине помелют и упакуют. Ладно?

– Поищу. Обязательно. Как вы там?

– Нормально. Хожу на фитнес, на массаж. Правда, с тренировками, видимо, придётся завязать. Инструктор уже на четвёртом занятии попросил в долг пятьсот баксов. Я его знать не знаю. Просто взял и попросил. Спрашиваю: а когда отдашь? А он отвечает: не знаю. Улёт, верно!

– Своеобразные есть люди. Машка как?

– Всё отлично. Умница. Много читает. Компьютер ей недавно новый подарили. Соображает в нём здорово.

– Я стараюсь меньше пить.

– По голосу твоему почувствовала. Это хорошо.

– Я буду стараться бросить...

– Я буду рада. И Машка.

– Как они с Мишей?

– Всё хорошо. Он её любит. У них тёплые отношения. По-настоящему.

– То, что Димка родился, не сказалось?

– Димка – наш сын. Он и его, конечно, любит. А Маша – дочь. Что тут странного?

– Нет, ничего. Я просто волнуюсь.

– Это хорошо. Но тут ты зря напрягаешься. Миша – очень хороший отец.

– Я плохой. Я помню.

- Дело не в этом. Просто он – хороший. А ты – сам по себе. Ты – другой. Разве ты всё время то-скуешь или страдаешь без Машки? Разве от этого пьёшь? Честно!
- Ты же знаешь, что пью не от этого. Знаешь, что страдаю. И знаешь, что не всё время. Нельзя жить и бесконечно страдать. Лучше застрелиться тогда.
- А Машка счастлива! Так радуйся за неё.
- Я радуюсь. Просто хотелось быть как-то ближе с этой своей радостью.
- Всё в твоих руках.
- Ладно... Тут я так прикольно еду. История – дичь полная. Сам не могу поверить. Пошёл брать интервью у болгарского экзерсиста, который оказался турецким экстрасенсом и астрологом. Типа, давно ждал встречи со мной. Знал мой день рождения. Какое-то поклонение волхвов приплёл... Короче, не поверил бы ни на грош, но он реально зовёт в меня в Турцию. За его счёт. К своему гуру.
- Ну, езжай... Ты же всегда считал, что у тебя есть какое-то предназначение. Может, это оно?
- Может. Только смешно всё. И интересно... Я приеду – расскажу.
- Обязательно.

9

Кирилл ждал у аэровокзала. Турция прилипла ко мне плотной, зримой жарой сразу при выходе из его прохладных, лёгких от света помещений. Эта страна была такой же густо-влажной, как усы таможенника, приклеившего мне за двадцать долларов марку в паспорт. Я немного постоял у входа, привыкая, сживаясь с впитывающейся в мою кожу Турцией.

- Жарко? – спросил Кирилл.
- Клейко, да.
- Влад ждёт вас.
- Необычное для турка имя.
- Так его назвал тот, кто пришёл с Сириуса. Он сказал, что это его подлинное имя, космическое.
- В каком смысле?
- Садитесь, – Кирилл ткнул брелоком с сигнализацией в сторону стоявшего невдалеке «Фиата».
- Я поясню по дороге. Ехать долго.

Турция была серой. Пыльно-серой, местами до грязной белизны. Дома, те в которых жили турки, а не отели, казалось, из этой пыли вылепили. На их фоне «паласы» и «караван-сарай» смотрелись смешно, игрушечно: будто их специально отмыли для европейцев. Зелень вдоль дороги выглядела сухой, и даже пальмы напоминали украшенные декором столбы... Впрочем, ближе к горам природа поменялась. Зелень выскочила нам навстречу, вклинилась в пыльный пейзаж, раздвинула его, опрокинула и окончательно заняла всё вокруг.

– Здесь было море, – рассказал Кирилл. – От тех мест, где оно сейчас, вода простиралась на тридцать километров. Потом сюда пришла пустыня.

- Я слышал, это были богатые места.
- Торговый и культурный центр Малой Азии. Эфес был третьим по величине городом Европы. Это при римлянах, при греках. А ещё раньше тут жили лидийцы, вавилоняне. Глубокая история.
- Теперь турки.
- Да. Они собой всё это накрыли. Пришли лавиной и накрыли. Хотя не они первые пришли. Турки – народ относительно новый. Сельджуки были лишь его малой составной частью.
- Так что насчёт звёздного имени? Как это понимать? – решил я вернуться к начатой теме.
- Того, кто прилетел к нам с Сириуса, зовут Альрис. Он вместе с командой изучает Землю.

Устанавливает контакты. Ведёт беседы. Один из таких контактёров – Влад. Альрис сообщил ему, что он с Сириуса. Что много веков назад Влад совершил преступление, и его отправили в ссылку на Землю. У него были разные жизни, и в них он искупал свою вину. Эта его оболочка – последнее воплощение. Срок окончен, и он сможет вернуться на родину. Альрис готовит его к этому. К тому же он просит Влада донести некоторые мысли до людей, чтобы сделать землян лучше.

- Не понял. Тут что: мы все заключённые? Кто с Сириуса, кто ещё откуда?
- Очень много заключённых. Очень. Правда, есть и туристы.
- Как понять?

- Очень просто. Они работали на других планетах. Заработали себе отдых. Им его предоставили. Они отдыхают.
- Какие-нибудь миллионеры?
- Да. Есть среди них и миллионеры. Впрочем, не всё так прямолинейно понимают отдых. Некоторые люди предпочитают в отпуске мучить себя восхождением на гору или преодолевать страх, прыгая с парашютом. Поэтому экстремальное воплощение – тоже вид туризма.
- А есть среди нас самостоятельные, что ли, души? Не туристы, не заключённые?
- Да, конечно.
- А они откуда?
- Это сложный вопрос. Долго объяснять. Думаю, Влад вам всё расскажет. Впрочем, не это самое важное. Вас ждёт один сюрприз.
- Какой?
- На то он и сюрприз.
- А что вы знаете обо мне?
- Это и есть сюрприз.
- Вы так хорошо говорите по-русски.
- Я учился пять лет в Москве. Последние годы выступаю много в России.
- Кстати, о вашем выступлении. Что это были за... дымы?
- Мёртвое и живое заклятия. Для большинства они невидимы. Вы – видели, это хорошо. Это важно! Мёртвое заклятие жжёт тёмные сущности внутри нас. Живое – помогает светлым пробудиться.
- Когда туман дошёл до меня, стало казаться, словно во мне две личности, независимые от меня, ведут диалог.
- Неужели? – Кирилл присвистнул. – Всё так явно?.. Ваше наблюдение абсолютно точно. Вы сами стоите на границе того открытия, которое сообщит вам Влад.
- Он знает, кто говорил внутри меня? – мне стало как-то жутковато.
- Да, знает. Скоро будете знать и вы.

Мы сидели в холле отеля. Огромный, болезненно полный Влад постоянно улыбался, перебирая ногами, что-то бормотал. Кирилл кивал ему. Переводил:

– Это очень важно... Вы должны знать. К нам обратились люди... Они представляют одно из направлений буддизма. Живут в Тибете. И у них случилась беда. Очень серьёзная беда. Что-то там не заладилось в распределении сущностей из Кувшина Жизни, и больше тридцати лет назад они потеряли Далай-ламу... Он умер, и должен был воплотиться в одной из провинций Тибета. Монахи сопровождали сущность Путём Теней. Совершали обряды из Книги Мёртвых. Всё шло привычно... Но потом что-то разладилось. Они потеряли душу Далай-ламы в Коридоре Сумрака... Она ускользнула. И они не смогли повлиять на новое рождение Учителя. Он родился совсем не там, где ему полагалось. Более того, долгое время они даже не знали, где искать его... Они обратились к нам. И мы помогли монахам. Мы нашли вас... Он – это ты.

– Я?.. – сначала мне стало как-то неловко. Я подумал: «Как неудобно, люди растратились на меня из-за путаницы». – Это ошибка. Абсолютная. Я совсем другой человек.

Кирилл перевёл. Влад улыбнулся ещё шире, задвигал плечами, словно стараясь вывернуть руки из огромного слоя жира, завалившего их. Ответил:

– Здесь нет ошибки. Это подтвердил и Альрис с Сириуса. Мы нашли тебя, хвала Всевышнему. Ты – тот, кого искали монахи. Ты – Далай-лама.

– Я никогда не слышал о чём-то подобном... По-моему, Далай-лама благополучно живёт где-то там в Азии.

– Есть несколько Далай-лам. Кто из них Истинный Учитель, не ответит сейчас никто. Теологи стараются придерживаться негласной версии разделения сущности Великого Будды. И каждый лама – крайне ценен. Он никак не может быть утерян. Без звена – нет целого.

– Положим, что это не ошибка. Во мне его сущность. Но с практической точки зрения, что это даёт?

– Ты когда-нибудь ощущал в себе сразу несколько личностей?

– Да.

– Это должно помочь тебе осознать истину... С тобой могли случаться и другие странные вещи.

– Бывает. Воспоминания. Мысли. Словно, не от меня... Думаете, всё-таки я – это он?

– Здесь нет сомнений.

– Ну ладно, а что из такой информации вытекает? Я должен ехать в Тибет? Или монахи придут ко мне? Что делать-то?

– Никуда больше ехать не надо. Достаточно преобразовать жизнь твоей телесной оболочки под её внутреннюю сущность.

– То есть?

– Ты рано или поздно умрёшь. Твоя душа должна быть наполнена светом, чтобы монахи смогли увидеть её в Коридоре Сумрака и привести Путём Теней к новому рождению.

– Вы что, предлагаете мне принять буддизм?

– Нет.., – Кирилл засмеялся. – Принимать буддизм не обязательно! Чистота не зависит от избранного пути.

– А как?

– Ты просто должен изменить свою жизнь. Полностью. За этим ты здесь. Ведь я мог сказать всё это тебе в твоём городе. Но тебе нужно преображение. А это особое место... К тому же Альрис и Влад будут помогать тебе.

– Как?

– Внутренне... Сейчас иди. Вот деньги. Съезди в город. Посмотри Турцию. Ты должен осознать то, что услышал.

Я кивнул. Такое, действительно, надо было осознать.

В отеле я договорился об аренде машины. За 50 долларов мне дали на два дня серебристый компактный «Фиат». Вечером его приборная панель с мягкой уютной подсветкой напоминала мне детство, когда мы сидели в темноте у радиолы «Вега», вслушиваясь во «вражеские голоса», которые капали из такого же нежного света и казались от того вовсе не вражескими, а домашними, совсем своими, из соседней квартиры... Наверное, так светится любая панель в машине, но мне все казалось особенным. И сам новенький манёвренный «Фиат», и словно идеальные, до скользкого ровные дороги на автобане... Я выжимал из машины всё, что позволял двигатель – где-то 180 – обгоняя одно авто за другим, и чувствовал, как тёплый шар смешанной радости и напряжения поднимается от сердца к горлу.

На скорости всё меняется. Жизнь вжимается в точку впереди машины. Ты мчишься к ней, тянешься, вжимая ногу в педаль, и чувствуешь – ещё чуть-чуть и нечто войдёт в тебя. Нечто, что заполнит всё твоё существо, сделает бессмысленными вопросы и ответы...

Я поехал к морю. В паре городов, которые были на пути, я немного покружил по улицам, глядя в лица и дома. Что-то похожее и родственное проскальзывало в них, но всё равно они были неуловимо чужими. Мне бы не захотелось видеть их каждый день...

По дороге я остановился у озера. Перебежал по большим скользким камням, напоминавшим панцири черепах, покрывшихся от старости слизью, и, раздевшись, прыгнул в воду. Она была солёной, как суп у влюблённой домохозяйки. И ещё вода была мягкой, тёплой. Я проплыл метров десять и помахал рукой авто, мчавшемуся мимо и посигналившему мне. Думать ни о чем не хотелось. Всё путалось. Никаких голосов или внутренних подсказок не звучало. Я был сам собой. Больше никем...

В море я купался минут тридцать, после чего двинулся в обратный путь. Море было грязным, и, по сравнению с озером, совсем неинтересным: песок и многочисленные водоросли, неглубокая вода пляжа, хлопья растрёпанной бумаги, качающейся на волнах – всё это вызвало лишь отторжение и даже брезгливость.

На обратном пути я снова залез в озеро...

К ночи я вернулся в отель и, заказав себе в баре бутылку вина, отправился в номер. Я заснул, даже не допив. Сказалось напряжение...

Ночью мне снился апостол Филипп. Он улыбался и приглашал меня к себе в гости. Я обещал прийти...

– Это вещий сон, – пояснил Влад, когда мы опять встретились. – Я просил моего друга с Сириуса помочь тебе. Может, это был он. Может, сам Филипп... Ты же знаешь, его распяли в этом городе?

– Да.

– Это особое место. Когда он умирал, произошло великое землетрясение, которое наказало его обидчиков. А ещё здесь был храм великой Ехидны. Апостол умертвил чудище. Но с тех пор в этих местах очень много змей. Говорят, в них живёт душа той Ехидны.

– Я боюсь змей.

– Тебе придётся преодолеть страх.

– В смысле?

– Я имею в виду обряд очищения, который ты должен пройти...

– Какой ещё обряд?

– Ты же хочешь обратиться к новой жизни?

– Во-первых, я ещё не решил. Во-вторых, что это за обряд?

– Тишина и вода. Вот и всё.

– А причём здесь змеи?

– Тишина даруется в стенах храма, который был воздвигнут на месте распятия апостола. Но про змей – это на всякий случай. Просто, там они встречаются. Но они сами боятся людей. Так что, если громко ступать по камням, они расползутся раньше, чем ты их увидишь.

– А что это за обряд тишины?

– Ты просто сядешь вечером в храме и будешь слушать. Себя, храм, мир... Потом спустишься и утром омоешь себя в бассейне Клеопатры. Вода там – кровь земли. Она очистит тебя.

– И начнётся новая жизнь?

– Да.

– Я бы хотел поподробнее с этого момента... Я что, и пить перестану? Перестану без разбора общаться с женщинами? Забуду о Чечне? В чём будет моя чистота?

Влад заулыбался, задрожал телом, когда Кирилл перевёл ему мои слова.

– Всё не так прямо, – ответил он мне. – Ты будешь делать только то, к чему ведёт тебя сердце.

Обряд же призван очистить сердце. А оно тебя не обманет. Ты всегда будешь знать: верно ли ты поступаешь или нет...

– Ну, не знаю... Когда идти в храм?

– Сегодня вечером.

У подножья горы Кирилл совершил надо мной обряд: окутал голову уже знакомым мне белым дымом, от которого слегка закружилась голова. Потом дым развеяло ветром, и Кирилл начал читать молитвы. Язык был как бы и знакомый, и непонятный. Меня стало клонить ко сну, и я несколько раз закрыл глаза...

Кирилл потряс меня за плечо:

– Пока не спи! Тебе ещё надо взойти на место... Вот, держи, выпей этот чай! Выпьешь на вершине. Он придаст тебе сил.

Я понюхал. Из термоса густо пахло цикорием. Кивнул Кириллу:

– Надеюсь, змеи меня не тронут.

После этого я пошёл вверх.

Большая часть пути оказалась дорогой, некогда вымощенной огромными камнями, а теперь развороченной, словно выпотрошенной. Но, даже прыгая из стороны в сторону по камням, можно было считать, что ты идёшь по мостовой. Быстро темнело, и мне стало страшно. Я оглянулся: Кирилл махал мне рукой... Незнакомая страна. Незнакомые люди. Абсолютно странное место со змеями. И я прусь туда на ночь глядя. Абсурд! Я понял, что прежде всего мною движет даже не любопытство, а стыд показаться невежливым и своего рода желание «отработать» приезд перед этими людьми... Впрочем, даже если так, то самое худшее во всей ситуации – это змеи. Остальное – даже интересно... В конце концов и змеи не так уж пугали меня. Я колотил подошвами по камням почти на каждом шагу и не встретил ещё ни одной «дочери Ехидны»... Если уж подумать, не каждому в жизни довелось ночевать в разрушенном храме в Турции да ещё на горе, где распяли апостола! В конце концов – это воспоминания на всю жизнь!.. Да и вся эта история с Далай-ламой очень интересна. Она многое проясняет. Просто мне не нравилось, что, по сути, на меня накладывалась какая-то чуждая мне ответственность... В то же время, если они хотят очистить мне сердце, пусть... что ж...

Последние метров сто пришлось карабкаться по камням почти на четвереньках. Впрочем, весь подъём занял всего минут двадцать.

Я был в храме, когда темнота ещё не стала полной, и я мог различить внизу Кирилла, который, увидев, что я добрался, не спеша пошёл в отель.

Я обошёл разрушенную церковь. Сохранились невысокие, метра в два, стены. Земля вокруг красного цвета. По легенде, как рассказывал Кирилл, её окрасила кровь Филиппа, которая впиталась, в назидание потомкам, в эту гору и её камни. Я погладил стену – ей больше полутора тысяч лет. Всегда любопытно, когда прикасаешься к чему-то, что пережило не просто человеческую жизнь, а десятки поколений. Словно ощущаешь намёк на нечто, разрушающее твои привычные представления о времени и жизни... Плотные мощные камни. Красивый вид с горы. ...Я присел на землю, постучав ногами посильнее, раскрыл термос и выпил ещё горячий напиток...

Мелькнула тень. Я даже не успел испугаться. Я понял, что засыпаю, и, закрывая глаза, засмеялся. «Подмешал чего-то, Кирюха, в чаёк»...

...Снег быстро вьёлся в землю. Ещё ноябрь, и хотя зима только на подступах, её хорошо видно. Налетала пару раз вьюга, засыпала всё за ночь. Утром белизна расслаивалась, текла под ногами, превращаясь в холодную едкую грязь, но что-то уже зацепилось, вгрызлось в землю под большими деревьями, под ветками кустарника, сплетёнными до хруста. Стояла тоскливая погода, когда сумрак почти не отпускает от мира ночь, лишь формально давая вылупиться блеклому солнцу.

Что-то неприятно знакомое ворочается в душе, словно увиденное и испугавшее ранее, возвращается с этой погодой ко мне. Кажется, ещё шаг внутрь этого сумрака и реальность расступиться, я провалюсь совсем в нечто другое, ещё более тоскливое...

В конце аллеи я вижу Машку. Рядом Рита. Она что-то объясняет на ухо дочери. Та вертит головой: не согласна. Рита грозит ей пальцем, но Машка всё равно крутит: нет, и всё тут. Я смеюсь. Они такие родные. Такие нужные мне люди. Я должен сказать им об этом. «Машка!» – кричу я. Дочка поднимает голову. Она видит меня и тоже смеётся. Я бросаюсь к ней, и сумрак густеет. Он вяжет, держит. «Это что, сон?» – удивляюсь я и проваливаюсь...

...Нет никакого храма. Просто трава, на которой я сижу. Внизу главная аллея Иерополиса. На неё когда-то вступили мы с Варфоломеем. Когда?.. Ещё утро. Солнце томно тянется вверх, накидывая колпак света на город. Но этот сумрак из аллеи и боль ото сна – зацепились за сердце. Грёзы часто приходят теперь ко мне. Стараются зацепиться и удержаться, но ветер времени сбивает их с меня... Время. Я давно потерял ему счёт. Да и что может знать о буре тот, кто не всплывает с глубины?..

...Опять морок. Снег сделал дыхание чистым. Забрал в себя слизкую ноябрьскую влагу. Осел у ног игрушечной ватой. Большая рыжая собака кувыркается в первых сугробах, носом вспахивает их, чихает и ловит снег языком...

Да ведь это сны! Я просто вижу чужие сны! Кто-то спит тут! Это человек. Зачем он здесь? Зачем пришёл на мою гору? Откуда он? Спит! Он спит! Быть может, он способен услышать меня?! И я... нет, я не хочу надеяться... но все же... вдруг он даже ответит мне?! Сон – особый дар душе смертного. За века никто и никогда не ложился спать на моей горе! Вдруг он услышит?

– Человек! – мягко окликнул я. – Кто ты, человеке?

– Апостол? Филипп?! – услышал я в ответ и испугался: он может проснуться. Он не должен понять, что это сон! Иначе его ждёт пробуждение! Господи! Спасибо тебе! Ты сжалился надо мной! Я услышал голос! Человек заговорил со мной!.. Но как он узнал, кто я? Кто мог пройти сквозь время и узнать, что я скитаюсь на этой горе? Кто? Только тот, кто знал о моей судьбе... Опять он. Искуситель. Он знал, какое обличье принять на этот раз... Нет! Неужели это всего лишь он?!

– Ты узнал?.. Странно. Ты слышал обо мне. Ты знал моё имя? Откуда?

– Как не знать твоё имя? Ты был распят здесь! Я хотел увидеть тебя во сне!

– Кто сказал тебе о моём распятии? Сколько лет минуло для тебя с тех пор?

– Ты не знаешь? Где-то две тысячи лет минуло... Но...но почему ты не в раю? Ты сошёл говорить со мной?

«Он глумится надо мной! Да, это он – Искуситель!».

– Сатана! Твои речи больше не смутят меня. Твои обличья не обманут... Признаюсь, я поверил вдруг... просто поверил... Да, ты жестоко посмеялся надо мной!

– Я посмеялся? И почему ты обращаешься к Сатане? Разве он тоже здесь?

– Ты – Сатана!

– Я?!?! Нет!!! Филипп, мне сказали, что я – Далай-лама. Просто попал не в то тело. И я приехал в Турцию очистить душу. Для этого – я на этой горе. Кирилл дал мне какой-то напиток, и я уснул. Сплю и говорю с тобой... Но ты говоришь страшные вещи! Почему я – это Сатана?

– Ты человек?

– Не тебе ли лучше других видна моя сущность?

– Я лишь призрак, прикованный к этой горе. Призрак великого грешника!

– Грешника? Ты же апостол!

– Мне больно вспоминать об этом... Что ж, спустя две тысячи лет люди проклинают нас?

– Что ты! Вы святы!.. Но...но разве ты сам этого не знаешь?

– Нет. Века бегут сквозь меня. И я одиноко скитаюсь на этой горе. Таково наказание за моё прегрешение.

– Прегрешение? У ученика Христа?

– Христа! Ты слышал о Христе?

– Конечно.

– Ты слышал доброе?

– Только.

– Благодарю тебя, Господи! Господи! Я не зря страдал и терпел эти скитания!.. Учитель!.. Как прекрасно!

– Но за что ты наказан?

– За что? – я взглянул в берёзовую аллею, посмотрел на девочку, тянущую к этому человеку руки. – Это не рассказать. Слова не идут с моих уст. Ты увидишь...увидишь всё сам, человец...
Смотри же!

«Апостолу Филиппу выпал жребий – проповедь слова Божия в языческих странах Азии. Но прежде отшествия в эти края Филипп проповедовал в Галилее, где, однажды встретивши женщину, нёсшую на руках умершего ребёнка, сжалился над нею и воскресил умершего, вследствие чего женщина уверовала во Христа и была крещена апостолом вместе с воскресшим сыном её».

...Младенец хотел что-то сказать. Его глаза чуть дёрнулись и медленно открылись. Он совсем не кричал. Он внимательно смотрел на Филиппа, словно о чём-то собирался сказать ему. Но Филипп не хотел этого слушать. Этого не следовало говорить! Маленькие, слабые губы ещё не знали речи и лишь шевелились розоватыми с белизной червячками.

– Молчи! – закричал Филипп. Женщина затрясла головой и попятилась: – Ты видишь чудо Господне? Ты видишь?! Видишь! – он схватил её за плечи. – Не смотри на меня! Смотри на своего младенца! Смотри!

Она опустила голову и оступилась, осела:

– Жи-и-вой! Он живой! Люди! Он живой! – женщина вопила с радостью и ужасом.

Младенец закрыл глаза и закричал. Филипп отступил и изо всех сил втянул ноздрями воздух. Ему было надо успокоиться. Он подошёл к смоковнице и сел, стараясь не слушать, как кричит женщина. Она не волновала его. Только младенец. Его взгляд. Серый, грустный, сожалеющий взгляд. Словно младенец что-то понимал, недоступное Филиппу, и только что хотел поведать об этом. Он не должен был так смотреть... Филипп чувствовал, что ещё мгновение и слова покатались бы как слёзы из некрепких губ младенца. И он радовался, что не дал ему их произнести...Филипп отдышался и начал молиться... Сейчас придут люди. Ему будет нужна сила. Господи! Дай мне силы! Во имя твоё дай!..

...Стали собираться зеваки. Они разглядывали младенца, уже ревевшего во всю силу своих оживших лёгких, выхаркивавшего из них скопившуюся густую мокроту.

– Он же был мёртв! – вскричал кто-то.

– Мёртв! – отвечала женщина. – Совсем мёртв! Я несла хоронить своего сына...

– Его оживил этот? Тот, кто называет себя учеником мессии?

– Он!

– Он волхв!

– Волхв!! – закричали в толпе.

Филипп завершил молитву и встал. Сила была в нём.

– Вы видели чудо. Истинное чудо, которое даровано вам для обретения веры. Именем Господа призываю вас всех покаяться и креститься к новой жизни! Я крещу всех, кто уверует в нашего Спасителя Иисуса Христа. А те, кого крещу я, получают жизнь вечную! Тех же, кто отринет явленное ему чудо Божье и мою проповедь, постигнет гнев Господа!

– Разве положено людям вмешиваться в дела Божьи? Зачем ты оживил младенца? – спросил один из мужчин.

– Чтобы вы увидели чудо и уверовали в Господа...

– Да. Это чудо! – мать младенца улыбнулась ему. – Как зовут тебя?

– Филипп.

– Чем я могу отблагодарить тебя за своё спасённое дитя?

– Уверуй и крестись... Уверуйте и креститесь все! Здесь нет реки, но Господь даст нам реку небесную, – сказал Филипп. – Я крещу вас в ней во имя Иисуса Христа...

...Капли гроздьями рухнули вниз, умывая лица людей, сбивая с их душ грехи в грязь под их ногами. Грязь к грязи... Он положил ладонь на голову младенца. Тот не смотрел на него. И не плакал. Просто отвернулся и моргал, когда капли ударяли близко к глазам. Филипп размазал воду по его лицу и прошептал:

– Именем Господа нашего Иисуса Христа! Я крещу тебя в этой небесной воде.

Младенец закрыл глаза, вздрогнул и заплакал. Захныкал, как обычное дитя. Филипп улыбнулся. Так и должно было быть.

10

«...Из Галилеи Филипп отправился в Грецию и, проповедуя там, творил много чудес, исцеляя больных и воскресив одного мертвеца. Это озлобило иудеев, живших в Элладе, и они послали на Филиппа донос в иерусалимскую синагогу, по которому прибыли книжники во главе с первосвященником и велели привести к ним на суд Филиппа».

– Я смотрю, тебе не хватает Иудей, – первосвященник покачал головой. – Зачем ты приехал к просвещённым грекам? Для них ли твои сказки о воскресшем человеке, который якобы спас весь этот мир? Тебе мало наших крестьян и рыбаков?

– Ты слеп, – усмехнулся Филипп. – Ты не видишь истины, которая перед тобой. Твоя проблема в том, что ты слишком умён и горд своим умом. Тебе не хочется верить в ту истину, что дарована рыбакам и крестьянам. Тем более, если они сами говорят о ней. Ты горд тем, как стал близок к грекам, научившимся мять мысль как глину. Твоя гордыня ослепляет тебя.

– А ты полагаешь ум пережитком? Наверное, поэтому в твоём учении так многое не сходится? Ты проповедуешь чепуху, которая прельщает недоумков!

– Я проповедую крещение во имя Господа. Если ты так груб и неосторожен, что оскорбляешь Иисуса и его последователей, Бог может явить тебе своё знамение.

– Угрожаешь?

– Напоминаю.

Архиерей кивнул:

– Хорошо. Но скажи мне, если твой Иисус воскрес, зачем вы, его ученики, выкрали мёртвое тело из пещеры?

– Ложь! – Филипп улыбнулся. – Иисус воскрес, и ангел отворил камень в пещеру, где лежало его тело. А вы – фарисеи и книжники – подкупили стражу, чтобы она говорила, будто мы похитили тело.

Первосвященник кивнул:

– Значит, ангел... Хорошо. Может быть, я что-то не понимаю, но ответь: если твой Иисус был так силен, Господь так любил его, то почему дал умереть позорной смертью на кресте? Почему ангел не явился римским воинам, не прогнал их и не снял тело во славе? Странно. А где собственные способности Иисуса творить чудеса?!

Он обвёл жестом всю комнату, и люди сдержанно засмеялись. Они были слишком напряжены. Они боялись Филиппа. Боялись первосвященника. И молча слушали их спор, почти не улавливая слов, а лишь напряжённо следя за двумя сильными людьми. Первосвященник это понимал, и хотел их успокоить. Он не нуждался в диспуте. Спор был нужен тем, кто пришёл сюда, чтобы увидеть пострадание Филиппа. Тем, кто требовал суда над ним.

– Чудеса? Что ты понимаешь в них? – Филипп строго улыбнулся. – Я являл много чудес.

– Так ты – Иисус?

– Нет. Я его апостол.

– Ну, так это другое дело, – архиерей подошёл к нему совсем близко. Чуть втянул воздух рядом с его плечами. Сырой пот колот ноздри. Архиерей кивнул сам себе. – Чудеса творят и волхвы. И языческие боги... И Сатана...

– Что?! – Филипп рванулся вперёд, но его быстро схватили. – Что ты сказал? – кричал он.

– Ты слышал. Ты невежественен и зол. Ты пытаешься ударить меня. Это поведение истинного проповедника? Того, кто учит добру и смирению?

– Умён, – кивнул Филипп. – Ты умён... Прости меня. Ты прав. Я не должен был злиться на тебя.

Ты просто погряз в своём невежестве. Мой гнев греховен... Господи, – Филипп поднял глаза. – Прости мне мой гнев. Этот человек оскорбил тебя и дела твои. Прости меня. Ты ведь сам решишь, достоин ли он наказания или нет. Мною двигала гордыня. Прости, – апостол поднял руки.

– Я рад твоему раскаянию. И всё же мне так и остался непонятен вопрос с чудесами. Ты можешь мне это объяснить. Нет? – спросил архиерей и тут же осел, как провалился вниз. – Что это? – крикнул он. – Что это? – Его руки заметались по воздуху. – Что случилось?

Люди зашумели и подались назад: лицо архиерея стало пепельно-серым, а вдруг ослепшие глаза судорожно крутили зрачками.

– Не надо, – попросил Филипп. – Зачем, Господи?

– Это он ослепил его! – крикнули в толпе. Несколько человек шагнули к апостолу, но тотчас с криком упали на землю, прижав руки к лицам.

– Не надо! – закричал Филипп. – Не ведают они, что творят! Прости их, Боже! – он рухнул на колени. – Столько раз являл ты чудо своё. Так яви его ещё раз и милостью своей верни им зрение! Умоляю, Господи!

– Он пророк! Он говорит с Богом! – один из иудеев бросился к Филиппу, стал целовать его ноги. – Прости нас! Мы примем твоё учение! Крести нас! – Апостол увидел, что люди опускаются на колени.

– Не смейте! – закричал ослепший архиерей. – Разве не понимаете, что совершаете богохульство! Это же ложь! Всё, что он говорит – ложь! Как может его Бог добра и любви превращать нас в калек за то, что мы не хотим следовать за ним? Иудеи, отступитесь! Одумайтесь! У нас один Бог. Живите и умрите с ним!

– Умрите? – простонал издалека чей-то голос. – Умрите? Кто здесь окликает смерть? – Люди закричали, потому что задрожала земля.

– Боже! Боже! Умоляю тебя! – Филипп ударил лбом об землю, и его кровь каплями разбрызгалась в пыли. – Не надо! Я знаю, ты имеешь силу великую! Не надо! Они всё поняли! Они примут тебя, Боже!

– Мы каемся! Мы хотим креститься! – кричали иудеи. – Филипп, крести нас скорее!

Земля взбугрилась, перекатываясь, словно огромный червь скользил под её покровом.

– Кто здесь кликал смерть? – тоскливый голос был совсем рядом.

Архиерей молча молился. Его слепые глаза, как потеряв равновесие, продолжали ходить кругами.

– Прости их... – рыдал Филипп.

Что-то всхлипнуло. Потом раздался чавкающий звук, и архиерей исчез. Бугры вновь пробежали по земле и осели.

– Крести нас, Филипп! Крести скорее! Мы верим тебе! – стонали иудеи.

Апостол кивнул. Стирая слёзы и кровь с лица, он встал и протянул к людям руки:

– Именем Господа нашего Иисуса Христа...

«В Лидии, области Малой Азии, присоединился к нему св. апостол Варфоломей, и оба апостола пришли в один город соседней области Фригии – Иерополь. Жители этого города никогда ещё не слышали о Христе и поклонялись идолам, которыми Иерополь был переполнен. Там стояло капище, в котором поклонялись Ехидне. Эту гадину считали божеством, многочисленные жрецы служили ей, а суеверные жители приносили дары и жертвы. Святые проповедники молитвою обличили ложь и суету такого поклонения».

Жрецы велели схватить их.

– Кто из вас Филипп? – спросил высокий человек с коротким копьем, на шее которого висел золотой обруч в виде змеи. Он остановил их у самых городских ворот, там, где Иерополь переходил в огромное кладбище, славящееся своими роскошными склепами на всю Малую Азию.

– Я, – ответил апостол.

– Она ждёт тебя. Второй не будет к ней допущен.

– О ком ты говоришь с нами?

– Её имя – Василиса. Царица.

– Ехидна? – Варфоломей удивлённо посмотрел на Филиппа. – Я думал, это вырезанное из дерева изображение. Разве она существует?

Человек махнул копьем, и из-за деревьев к ним подступили люди в лёгких доспехах:

– Они проводят тебя, Филипп. Богиня будет говорить с тобой. Помни – это честь. Так что будь с ней вежлив. Впрочем, – он усмехнулся, – ты будешь... Ты же, юноша, жди у храма.

– Значит, я не буду с тобой? – огорчился Варфоломей. – Не увижу, как поразит чудище гнев Господа?

– Ты ещё сам не раз обрушишь гнев Господа на дьявола. Всему своё время, – потрепал его по плечу Филипп. – Чудеса будут доступны и тебе. Просто должна вырасти твоя вера.

– Я молюсь об этом. Постоянно молюсь. Я мечтаю увидеть, как мои чудеса обращают тысячи людей к истинной вере!

– Это будет. Обязательно.

Они прошли через весь город: сначала аллею, потом минули площадь, обогнули театр, и, наконец, подошли к капищу. Сложенное из огромных каменных блоков здание свернулось кольцами змеи на вершине ярко белого холма.

Высокие тяжёлые двери чуть приоткрылись под усилием десятка воинов, и жрец подтолкнул Филиппа в спину:

– Иди.

Как только апостол нырнул в щель, на дверь надавили. Свет за спиной исчез...

Было влажно и тепло. Убаюкивающе тепло. Как тогда, в Гефсиманском саду. Он так до сих пор и не понял, как сомкнулись у апостолов глаза. Всем им было потом невыносимо стыдно. А Иисус сидел рядом, и слёзы бежали по его щекам. О чём Он плакал? Никто так и не спросил тогда...

– Змея! – позвал Филипп. – Я знаю, что ты рядом и слышишь меня. Ты думаешь, я боюсь тебя? Мне не страшно. Слишком многое видел я. Я забирал жизнь и возвращал её. Господь всегда за моей спиной. Ты не испугаешь меня. Покажись.

– Я здесь, – ответил голос. – Ты не боишься меня, я вижу. Но ты ошибаешься. В этом храме за твоей спиной бога нет.

– Вот как? – Филипп улыбнулся и пошёл вперёд, к свету, пробивавшемуся в небольшое окно наверху огромной комнаты.

Краем взгляда он заметил, что в темноте нечто движется сбоку от него: Ехидна скользила рядом. И прежде чем Филипп дошёл до света, оно заслонило его, и тьма кинулась ему навстречу... Два огромных, зелёных глаза. Он не мог не признать их красоту. Они нависли над ним. Ему вдруг захотелось протянуть руку и погладить змею. Рука дёрнулась, но Филипп усилием воли убрал её и прошептал молитву...

– Кому ты молишься?... – тоже прошептала Василиса.

– Я молюсь моему Господу. А не ты ли та змея, что соблазняла Адама и Еву? Не ты ли искуситель, о котором говорит нам Завет?

– Нет, – похоже, змея смеялась. Её глаза нырнули вниз, и она устремилась к свету. – Это не я. Хотя это вполне мог быть кто-то из моих прародителей. Я родилась позже. В те времена, когда ангелы сходили на землю и спали с земными женщинами.

– Ангелы?

– Ты забыл? Об этом тоже рассказывает Ветхий Завет. Они были мужчинами и спали с женщинами. Ангелы были любвеобильны.

– Всё-таки ты – искуситель! Господь мой...

– Подожди, не трачь время на разговор с тем, кто не слышит тебя.

– Что?! Что ты говоришь?! – Филипп задохнулся от возмущения. – Господь слышит каждое моё слово! Каждый мой вздох по его воле!

– Так ли? А мой? – Змея выползла на свет и свернулась кольцом. Её голова была больше головы крупного льва, но это была голова прекрасной женщины. – Ты удивлён? Ты никогда не встречал богинь? – Василиса расхохоталась. – Так что там про господа? Слышит ли он мои слова? Мои вздохи? Вздохи той, что породил один из его ангелов?

– Твой отец – ангел?

– Это было так давно. Его плоть давно мертва. Судьба героя. Я даже горжусь, – она улыбнулась. – Нет, правда... У тебя, кстати, тоже есть повод для гордости. Ты был рядом с Иисусом.

– Ты хочешь вести со мной богословский спор? Или будешь оскорблять моего Господа? Я думаю, его гнев ответит на все твои змеиные вопросы, – Филипп поднял руки. – Призываю силу твою, Господи...

– Подожди, – Ехидна кинулась вниз и обежала кольцом апостола. – Подожди, человек. Я позвала тебя, потому что хотела предупредить об опасности.

– Опасности? – апостол рассмеялся. – Мне кажется, что сейчас опасность – это ты.

– Ты шутишь? Это хорошо. Но то, что я скажу, не будет для тебя смешным.

– Набиваешь цену своим словам? Если решила, говори.

– Филипп, тебя убьют люди, к которым ты пришёл с проповедью. Глупец! Глупец! – змея взвилась вверх.

Её кожа, маслянисто сверкавшая, вдруг ощерилась огромными шипами, вырвавшимися наружу. Они с силой ударили в дверь, и та распахнулась. Жрецы кинулись внутрь...

...– Призови гнев Господа! – вскричал Варфоломей. – Филипп! Призови его силу!

Филипп молчал. Он молчал всё то время, когда взбесившиеся жрецы связывали их и избивали. Молчал, когда судил их за волхование градоначальник. Молчал, когда его руки и ноги приколотили гвоздями к кресту напротив дверей храма Ехидны...

Филипп свисал вниз головой, а обезумевшие от злости жители Иерополя кидали в него камни. Всё это время апостол не издал ни звука. И тогда Варфоломей сам призвал гнев Господа.

– Не смей! Они не ведают, что творят..., – из последних сил прошептал Филипп, но его слабый голос вдруг потонул в грохоте: храм Ехидны треснул и развалился на куски.

Люди в ужасе бежали прочь. Земля вздрагивала и словно бы удовлетворённо похрюкивала, втягивая в себя градоначальника, жрецов, горожан... Гнев Господа обрушился на них. В этот миг Филипп выдохнул последний раз.

Потом он увидел Его Глаза. Он их узнал. Они были печальны...

...Я проснулся. Солнце едва вытянулось из-за горизонта, но пока ещё не разгорелось в полную силу. Я встал на колени и перекрестился. Затем подошёл к стенам храма и коснулся их рукой.

– Если слышишь меня, Филипп, то знай: твоя боль и мучения не стали напрасными. Твоя душа по праву стала святой, и, уверен, Господь принял её к себе. Ты достоин счастья, – я ещё раз перекрестился и пошёл вниз.

В отеле у бассейна Клеопатры ещё никого не было. Только густые тёплые струи, наполненные тысячами пузырьков, шуршали, вливая свежий сок земли. Я разделся и спустился в воду. Жаркая влага нежно вжалась в тело. Пузырьки, щекоча, заскользили по коже. Я шёл осторожно: на дне лежали развалины древнегреческих колонн и статуй – вода, время и тысячи ног сточили остроту осколков, задрапировали их слизкой плёнкой. Там, где дно уходило резко вниз, я лёг на воду и поплыл. Она игриво льнула, щекотала лицо. Пузырьки гроздьями цеплялись к телу и висели на нём, как рыбы-прилипалы, потом отскакивали, чтобы уступить место другим. Я заплыл в самый дальний и глубокий коридор бассейна, отростком уходящий в сторону. Там под водой был виден какой-то ход, закрытый решёткой со старым, зелёным от времени замком. Я видел с мостков этот ход, и мне очень хотелось заглянуть внутрь...

Набрав воздуха, я нырнул. После нескольких мощных движений руками и ногами, я открыл глаза: прямо в лицо мне смотрела змея. Обвив крайний к стене прут, она тянулась в мою сторону. Я замер. Я подумал, что всё увиденное мной ночью нашло свой логический конец в этом бассейне: я узнал слишком много.

Я лишь успел испугаться за родителей, которым сообщат о моей нелепой смерти в тысячах километрах от них. Успел вспомнить Влада... Лишь потом понял, что змея не движется. Зелёные глаза смотрят внимательно, но она не укусит. Никогда и никого. Она сделана из камня.

Я выдохнул и рванулся вверх. Глотнув воздуха, я расхохотался.

– Ты счастлив? – спросил Кирилл. Он стоял на мостике и махал мне рукой.

– Да, – сказал я. – Теперь всё изменится... Ты слышал что-нибудь о Василисе?

– Нет.

– Я встретил одну из её дочерей... Скажи Владу, что теперь всё будет хорошо. Я в это верю.

Он улыбнулся и протянул мне полотенце.

11

Я вернулся домой. Что-то во мне, в самом деле, изменилось. словно протёрли мутное стекло, через которое я смотрел на мир до сих пор. Кстати, именно окно стало моим любимым местом. Я сидел у него часами, рассматривая идущих по берёзовой аллее людей, наблюдая вываливающийся из набухшего неба дождь. Он частенько этим летом освежал плотную зелень листьев. И мне казалось, что он смывал слой за слоем пыль и грязь с моего сердца.

Мы встретились с Ленкой, но внутри у меня всё давно стихло насчёт неё, а лгать больше не хотелось. Я рассказал ей о Турции, и о том, что, похоже, теперь всё изменилось между нами и стало на свои места.

Она кивала и плакала.

– Итак, я не нужна тебе?

– Ты сама знаешь. Я очень хорошо отношусь к тебе, но... Стоит ли вымучивать наши и без того неуклюжие отношения?

И я остался один. Конвейер женщин в моей постели остановился, но, как ни странно, я не мучился от этого. Сказалось, наверное, и то, что я без всяких проблем бросил пить, точно забыв об этом. Я ощущал в себе частичку того времени, когда жил Филипп, когда жил среди людей Спаситель... Она попала в меня там, на горе... Ветром занесло... Как зёрнышко... И оно прорастало.

На днях мы проводили на пенсию Николая Сергеевича. Никто из нового руководства даже не пришёл поблагодарить его и пожать Коле на прощание руку. Молчаливый и какой-то героически строгий, он словно опять стал подводником, и ему предстояло навечно лечь на дно у вражеского берега на такой глубине, где тебя никакими эхолотами не услышать. Через месяц я узнал, что он устроился охранником в Дом актёра.

Через несколько лет он погибнет: глыба воронежского снега рухнет на него в конце невиданно снежной зимы...

Недавно позвонила Рита. Она спросила, как я? Я рассказал обо всём. И о Турции. И о Филиппе. И о змее в бассейне Клеопатры. Лишь умолчал, что я сильно изменился... Она почувствовала сама. Рита призналась, что устала от Миши с его бизнес-партийными проблемами, похожими на возню под ковром. И, наверное, уйдёт от него и уедет к маме, но перед этим хочет, чтобы я увидел Машку...

...Я увидел их в аллее. Был конец ноября. Едкий холод вползал под одежду, под кожу. Машку уже одели в зимнее. Ей не было зябко. Рядом шла Рита. Она что-то тихо объясняла дочери. Та вертела головой: не согласна. Рита погрозила ей пальцем, но Машка всё равно отмахнулась: нет, и всё тут! Я улыбнулся. Они такие родные. Такие нужные мне люди. Я обязательно должен сказать им об этом. «Машка!» – крикнул я. Дочка подняла голову. Увидела меня и засмеялась...

Где-то я уже видел это?..

Они дошли до меня, и дочка кинулась мне на руки. Мы долго бродили по парку. Потом пришли ко мне, и пили чай с тортом. Потом Машка уснула... Мы целовались и целовались...

– Я вернусь к тебе. Ты хочешь?.. – сказала Рита.

Само собой, я ответил «да».

Миша встретил меня на выходе из телерадиокомпании. Он стоял у своего великолепного мраморно-чёрного «Хаммера», прикрыв голову капюшоном от сильного снега. Но я узнал его, подошёл:

– Меня ждёшь?

Он кивнул, позвал жестом в машину. Внутри вытащил бутылку коньяка, протянул мне как гранату.

– Не хочу.., – отказался я.

– Ну, да... ну, да... Перерожденец... А я выпью... Я не виню тебя. Не виню. Кто ты в этой истории? Кто? Лишь пешка... Просто я хочу, чтобы ты знал, что ты пешка. Чтобы ты не мнил себя королём, – Миша засмеялся и сделал мощный глоток. – Да. Трудно это рассказывать. Даже жалко... Но ведь тебе меня не жалко?

Я пожал плечами.

– То-то... А что мне жалеть тебя?.. В общем так... Однажды Рита пришла ко мне и сказала: надо сделать для него невозможное. Он спивается. Гибнет на глазах. Он должен обрести смысл жизни, которого я лишила его своим уходом. Помогите ему! И я позвонил этому болгарскому шарлатану из Турции. Дал ему все твои данные. Они разработали сценарий. Я утвердил его. Отстегнул им немалую бабля на гонорары и оплату всего этого мистического шоу. Две тонны зелени: проезд, гостиница и, так сказать, суточные. Ещё пять – их услуги. Дорого стоят, сволочи... Вот такая была у тебя бесплатная поездка в Турцию. Зато всё было качественно организовано... Они ведь не надурили меня, правда? Ты ведь поверил им, Далай-лама?.. Или Будда? Как Вас теперь называть?!

... Каменная змея вдруг ожила и скользнула под водой ко мне. Её жало болью вошло в моё сердце.

Но мир не рухнул. Я после Мишиных откровений даже не запил, хотя все вокруг на этот счёт основательно беспокоились за меня и суетились. Я лишь искренне улыбался их волнению, и не понимал его...

А спустя несколько месяцев мне пришло письмо – «Воронеж. Далай-ламе». И мой адрес на конверте. Грубый пергамент почти плетёной бумаги, незнакомые марки с иероглифами и красные штампы, чуть поблёскивающие дорогие чернила.

«Мы узнали о твоей истории, – говорилось в письме. – И поражены, как показательна она по своей сути. Что есть реальность? Что есть иллюзия? Что придумываем мы? А что лишь озвучиваем, ощущая присутствие истины и не находя её... Ты задавался вопросом: кто ты? Ты получил ответ. Ты нашёл гармонию, но потом усомнился в ней, так как люди солгали тебе. Помни же: огонь можно внести в дом, а можно его там разжечь. Он будет одинаково ярок. Отбрось свои сомнения. Частичка Будды зажглась в тебе, и его уста коснулись твоей души. Осознай это вновь, просто заглянув внутрь, в твоё очистившееся от пены сознание. Ты знаешь, кто ты. Твоё сердце – ашрам. Твоя сущность – далай-лама. Мы, твои ученики и братья из Тибета, приветствуем тебя! Мы и миллионы последователей Будды ждут слов твоего сердца. Ждут от тебя нот мелодии Истины. Говори с нами! Мы ждём».

Неужели я действительно научился на той горе у разрушенного храма смотреть глубже тех волн, что бушуют на поверхности моря?.. Как бы там ни было, я верю, что добра так много, что наши грехи не исчерпают его. Не иссушат.

Добро никогда не победит Зло... Оно простит его.

